

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО С
А.И.ТУРГЕНЕВЫМ.

1820-1823

Петр Вяземский

**Переписка князя П.А.Вяземского
с А.И.Тургеневым. 1820-1823**

«Public Domain»

1832

Вяземский П. А.

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820-1823 /
П. А. Вяземский — «Public Domain», 1832

«Перекрестись! Какой тебе «Первый снег» возратить? Я прошу его от тебя. Пожалуй, сажай его в «Сын Отечества», только без всякой подписи. «Уныние» – также, и паче: это род исповеди. Конечно, у нас никто не читает: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслит вслух не должно. Сейчас получил я письмо от Мещевского, которое меня тронуло: он говорит о своей чахотке и близкой кончине. Неужели Жуковскому ничего сделать в пользу его нельзя, хотя через Павловскую, хотя через Аничковскую дорогу? Сделай милость, похлопочите! Он прислал, Жуковскому «Смерть Кесаря». Хорошо ли? Можно ли отдать на театр? Расшевелитесь! В таких делах только и есть жизнь, во всем прочем – тление; особливо же у нас, где бытию нельзя крылья расправить: надобно по земле перепархивать...»

Содержание

1820	6
256. Князь Вяземский Тургеневу.	6
257. Тургенев князю Вяземскому.	8
258. Князь Вяземский Тургеневу.	10
259. Тургенев князю Вяземскому.	11
260. Тургенев князю Вяземскому.	13
261. Князь Вяземский Тургеневу.	14
262. Тургенев князю Вяземскому.	15
263. Князь Вяземский Тургеневу.	16
264. Тургенев князю Вяземскому.	17
265. Князь Вяземский Тургеневу.	18
266. Тургенев князю Вяземскому.	20
267. Князь Вяземский Тургеневу.	21
268. Тургенев князю Вяземскому.	22
Н. И. Тургенев князю Вяземскому.	23
269. Тургенев князю Вяземскому.	24
270. Князь Вяземский Тургеневу.	26
271. Тургенев князю Вяземскому.	27
272. Князь Вяземский Тургеневу.	28
273. Князь Вяземский Тургеневу.	29
274. Тургенев князю Вяземскому.	30
275. Князь Вяземский Тургеневу.	31
276. Тургенев князю Вяземскому.	32
277. Князь Вяземский Тургеневу.	33
278. Князь Вяземский Тургеневу.	34
279. Тургенев князю Вяземскому.	35
280. Тургенев князю Вяземскому.	37
281. Тургенев князю Вяземскому.	38
282. Князь Вяземский Тургеневу.	39
283. Тургенев князю Вяземскому.	40
284. Князь Вяземский Тургеневу.	41
285. Князь Вяземский Тургеневу.	42
286. Князь Вяземский С. И. Тургеневу.	43
287. Князь Вяземский Тургеневу.	45
288. Князь Вяземский Тургеневу.	46
289. Тургенев князю Вяземскому.	47
290. Тургенев князю Вяземскому.	48
291. Князь Вяземский Тургеневу.	49
292. Тургенев князю Вяземскому.	51
293. Князь Вяземский Тургеневу.	52
294. Князь Вяземский Тургеневу.	54
295. Тургенев князю Вяземскому.	55
296. Князь Вяземский Тургеневу.	56
297. Тургенев князю Вяземскому.	57
298. Князь Вяземский Тургеневу.	58
299. Князь Вяземский Тургеневу.	60

300. Тургенев князю Вяземскому.	61
301. Князь Вяземский Тургеневу.	63
302. Тургенев князю Вяземскому.	64
303. Тургенев князю Вяземскому.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Петр Вяземский

Переписка князя П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым. 1820-1823

1820

256. Князь Вяземский Тургеневу.

4-го [января]. Варшава.

Перекрестись! Какой тебе «Первый снег» возвратить? Я прошу его от тебя. Пожалуй, сажай его в «Сын Отечества», только без всякой подписи. «Уныние» – также, и паче: это род исповеди. Конечно, у нас никто не читает: пиши что хочешь, но иное и для себя мыслит вслух не должно. Сейчас получил я письмо от Мещевского, которое меня тронуло: он говорит о своей чахотке и близкой кончине. Неужели Жуковскому ничего сделать в пользу его нельзя, хотя через Павловскую, хотя через Аничковскую дорогу? Сделай милость, похлопочите! Он прислал, Жуковскому «Смерть Кесаря». Хорошо ли? Можно ли отдать на театр? Расшевелитесь! В таких делах только и есть жизнь, во всем прочем – тление; особливо же у нас, где бытию нельзя крылья расправить: надобно по земле перепархивать.

И подвиг бытия означить тесным кругом.

Пришлите мне новое издание «Теории налогов». Как кто Яценко укротился? Что скажешь о Пруссии? Правительство запретило не только впуск, но и пропуск нидерландских газет и каких-то других, кажется, английских, и мы сидим без «Либерала». Какое смирение и признание в слабости! Говорят, Австрия то же сделала. Они дождутся, что им головы сломят. Теперь им Занды только мерещутся, но страх их в самом деле Зандов породит. Бог с ними! Но то беда, что на них не кончится; мину подорвешь, а наверх взлетит и окрестность.

Я тебя сегодня во сне встретил в Лондоне. Пойдет ли сон в руку? Я сплю и вижу, как бы пуститься по белому свету и выпрягаться из упряжки. Нельзя всегда думать так, а поступать иначе. Мало того, что меня, как не выезженную лошадь, худо употребляют, но я и в конюшне стоять не хочу. Не только словом и делом, но и молчанием, и бездействием потакать не хочу ненавистному ходу вещей и в списке ливреи быть гнушаюсь.

Мы мерзнем не хуже вашего: что день, – то 20 градусов, а было и до 28; дома же все сквозные. В прибавок, волки гуляют, вокруг города, и что день – повесть о каком-нибудь съедении. По крайней мере это питает разговор.

Новый год встретил я с полным домом и пустым сердцем. Цвет варшавского общества был у меня, но для сердца это пустоцвет, хотя много любезных женщин. Мужчины плохи, но все плохи в европейском смысле, все это где-нибудь шаталось, что-нибудь видело и читало, а не козыряло сперва с князем Вяземским, потом с Обольяниновым, а после с светлейшим Лопухиным. Все это натерто и блестит если не само собою, то, по крайней мере, при свечах. Это – проклятая розница! Весь гостинный народ здешний наравне с происшествиями; они в нем запечатлены не так, как в истории, но как в календаре, а у нас и того нет. Разговор их не поучителен, но может быть занимателен; одним словом, они не прошли через просвещение, а пробежали и схватили, что могли; у нас расхаживаются по невежеству.

Не знаю, поздравлять ли Булгакова с переменою места? Впрочем, вероятно, он сам хотел того. Что же сделает Александр? Мне жаль будет, если они совсем Москву оставят. Я любил смотреть на них, как на московскую и, следственно, свою собственность. Теперь вся надежда

на Василия Львовича, как на Ивана великого. Сделай милость, поддерживай его. Он все на вас жалуется и ко мне только о том и пишет, что вы к нему не пишете. Что тебе стоит раз в месяц сказать ему слово?

Сделай одолжение, отыщи моего «Вольтера». Неужели Яценко – себе им подтер? прости! Всем нашим сердечное челобитье. Книги – Николаю Михайловичу.

257. Тургенев князю Вяземскому.

7-го января. [Петербург].

Двухдневное (26-го и 27-го декабря) письмо твое получил, и в один час с письмами из Иркутска от Сперанского, из Неаполя от Батюшкова, из Парижа от брата, князя Гагарина и гр[афини[Разум[овской]], из Москвы от Дмитриева и из Вены от одного славянского литератора. Прочел их по порядку, начиная с парижских и твоего. Спасибо за пожар и за Хоткевича. Одним отказом он покрыл слабость целой жизни и, уважив в других гражданина, спас в себе человека. Я уверен, что и у нас нашлись бы подобные примеры, по случай не найдется для них. Тот, кто скрывает в себе истинное благородство и силою духа заглушает всякий порыв к великому, но вместе и опасному, осуждая свое величие на вечное ничтожество или, лучше, на небытие, конечно не менее того, кто бросился в пропасть в виду благодарных граждан и как бы внимая уже вечному потомству. *Ces graves personnages ne s'affligeaient que des maux de leur patrie; quant à leur sort particulier, ils se résignaient à la volonté des dieux. Lorsque la tyrannie, importuné de leur vertu, se fatiguait de les laisser vivre, ils s'en allaient à petit bruit, jugeant qu'il était inutile de faire tout le fracas de Caton et de se déchirer les entrailles pour une liberté qui n'existait plus.* Есть обстоятельства, и в монархических государствах они встречаются чаще, когда истинные герои добродетели doivent s'en aller à petit bruit, и в сем будет все их величие! Для этого нужно верит бессмертию души или любить отечество, как любовницу. Просто умереть можно и для славы, но умереть, *et mourir tout entier*, можно только из любви, под каким бы она видом ни являлась, то-есть, для первоклассной страсти, которой слава, честолюбие и прочее – только слабые отблески. Не знаю, любили ли так римляне свое отечество, но подданные тирана Ивана Васильевича любили так Россию, когда шли с детьми и женами под исступленные топоры его. Иначе я их не хочу и воображать себе.

А *propos*: завтра историограф читает в Академии отрывок IX-го тома, и ему подносится благодарная медаль. Он этого не знает и узнает только тогда, когда увидит ее на блюде. Завтра же и день его свадьбы, и мы проводим у него веселый вечер. Плещеев будет играть с домашними актерами.

Вчера должна была петь Боргондио у княгини Куракиной; мы ожидали ее, но она отказалась для того, что сегодня играет «Танкред» у государыни. Мы играли в короля, которого должен был представлять Плещеев, но и он не приехал, и его место заступил граф Воронцов, а королевою – графиня Апраксина, а я был канцлером; *St.-Maure* – придворным поэтом, и вот куплеты его, на лицо Плещеева сочиненные:

Buvons au roi très débonnaire
Qui sur le trône vient s'asseoir;
Buvons aux succès de Molière,
Qui son jeu fait si bien valoir;
Mais hélas! en sortant de table
Adieu son sceptre, adieu, sa cour!
Eh bien! Buvons à l'homme aimable,
Son règne dure plus d'un joui l.
Buvons à notre aimable reine,
A son esprit, à sa bonté,
Buvons à cette souveraine
Qui règne avec tant de gaité.
Le premier de sa dynastie
Sera sans doute un Roger-Bontemps,

Son chancelier c'est la folie
Et ses sujets des bons vivants.
Mais nous avons une autre reine Qui,
Dieu merci, n'abdique pas
De nos coeurs, elle est souveraine
Et trouve partout des états;
Ses talents, sa gaité piquante
Plaisent un peu plus chaque jour
Et son esprit qui nous enchante
Près d'elle fixera sa cour.

Насилу дописал! О брате Сергее подписан наконец указ, и через две или три недели он может быть здесь, следовательно гораздо прежде – в Варшаве. Повидайся с ним. Он, верно, к тебе заедет. Мне хочется проводить его до Одессы, ибо он, вероятно, поедет в Царьград морем. Не через Варшаву ли туда ездят?

Дмитриеву послал я и «Уныние», и «Первый снег». Он просит запрещенной прозы о Вольтере и обещает сообщить мнение свое о первых двух пьесах.

Батюшкова письмо дышет Италией, но оно старое, от 3-го октября нового стиля. Литературных новостей у них очень мало. В северной Италии пишут более и подражают немцам. Меланхолия и романтический вкус начинают нравиться внукам Ариоста. Старики гневаются, и Академия Круска, или приверженцы к оной, стараются всеми силами выгонять новые слова, выражения и фразы, которые вторгаются в святилище языка тосканского, но талантов мало. Монти, Протей в политике и гигант в поэзии, стареется. Итальянцы, как и вы же, висяне и невяне, переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью. А ргорос: читал ли ты роман жены его, где они описан? Мне давал Casamajor, английский министр. Байрон говорит им о их славе языком страсти и поэзии. Вот все, что я знаю о поэзии и литературе итальянской. Это сок письма Батюшкова. Следственно, от севера до юга восхищаются Байроном. Я завидую образу жизни Батюшкова: он целые дни проводит над книгами и верно с пустыми руками к нам не возвратится; а я возвращаю тебе твой «Снег» с ошибками писарскими, которые ты исправишь вместе с своими. Посылаю тебе и письмо А. Булгакова. Брат его вступил здесь в должность et s'en trouve bien.

С. П. Свечина очень больна и начинает сама жаловаться на свои страдания. Здесь Е. С. Огарева, и мы о тебе вспоминаем.

258. Князь Вяземский Тургеневу.

10-го января. Варшава.

Мы встретились с твоим братом нечаянно, но сошлись чаянно; по крайней мере я с ним ближе многих близких, и сердцем нараспашку. Спасибо за 31-е декабря. «Затворник» прелестен, но как его чорт не дернул заговорить с невидимую соседкою? Они влюбились бы друг в друга, и я уморил бы обоих в страданиях Танталовых. Таким образом кусок был бы жирнее.

Кто след её забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?

Уголовная палата, тюремщики, летописи тюремные. Я не шучу: меня это своею неистинною поразило. В «Овидии» много прекрасных стихов: надобно еще раз перечитать. Иные гекзаметры показались уху сомнительными. Я сложение их не очень понимаю и, признаюсь, не очень люблю: оно крепко сбивается на прозу; впрочем, есть дурная и хорошая проза, и вообще Жуковского гекзаметры в числе хорошей. Буря и потопление ужасно растянуты, но это погрешность подлинника. Кто будет читать в Академии? Боюсь усталости слушателей. Дай Бог здоровья древним, а от них иногда холодно. Но с другой стороны должно признаться: в одних древних ищи подобной черты:

.....Чтоб верный
Сердца не отдал другой... Из стольких напрасных желаний
Только последнее слишком, слишком исполнено было.

Тут есть какая то острота чувствительности; что то вместе затейливое и нежное, которое им одним присвоено было.

Сегодня довольно с тебя будет письма и книг брата. Меня можешь отпустить прогуляться.

Несколько стихов моих берут у меня для «Благонамеренного». Узнай их по душку. Каков мой пирог и стихи пирожные? Что грамотка, то кусок безъсмертия и стервы для «Сына». Отыщи где-нибудь мою песню «Данным давно». Она должна быть у тебя, писанная Жихаревым.

259. Тургенев князю Вяземскому.

14-го января. [Петербург].

Я, конечно, просил у тебя «Первый снег», исправленный по нашим замечаниям. Если не пришлешь его, то я пушу первое издание в «Сына Отечества»; также и «Уныние». Жуковского здесь еще нет; как скоро возвратится, покажу ему письмо о Мещевском, и будем хлопотать вместе, если возможно.

Жаль, что я не описал тебе на другой [день] академического чтения действие, которое произвел историограф на слушателей ужасами Ивана Васильевича и геройскими добродетелями его современников. Теперь впечатление во мне изгладилось, и я буду холоден. Историю заседания ты, вероятно, уже знаешь, хоть из Каразина в «Сыне Отечества». Карамзин получил медаль и произвел ладохлопанье невольным образом. Какое-то общее чувство одобрения и даже глухой шум оживляли все собрание. Мы можем по этому судить о действии народных ораторов. Жуковского стихи читаны Гнедичем, хотя и гробовым голосом, но хорошо и довольно внятно.

Le reste ne vaut pas la peine d'être nommé.

В старце Шишкове есть какая-то старческая доброта, и если бы он не говорил нескладицы о преимуществе академических сочинений пред частными в речи своей, то он бы мне в этот день от начала до конца понравился; ибо лучшее дело в его жизни есть движение руки при подаче Карамзину золотой медали, которое, может быть, было и последствием движения его сердца, конечно, не разращенного наукою.

Что прикажешь делать с 1500 рублями, которое я получил от твоего управителя, обещавшего мне и письмо от Дружинина, коего я, однако же, еще не получал. Вероятно, тут и 500 Сибирякова? Всего собрано более пяти тысяч. Глинка, неутомимый в добре, хлопочет о выкупе и хочет предлагать неумолимому барину то, что собрано; но не знаю, удастся ли. Жаль, что не попадает под руки послание графа Хвостова в Ломоносову «О рудословии», читанное в Минералогическом Обществе какою-то обреченною на чтение его стихов жертвою. Прелесть, как хвостовато! Брат Николай напугал его тем, что он много говорил о чувственной любви и смешал ее с духовною, и он обещает впредь быть только духовным в стихах своих.

Александр Булгаков, вероятно, поедет года на три в деревню устраивать будущую независимость детей своих. Это вернее службы царской вознаградит утраченное время. Если кто из нас не чувствует себя прямо деловым человеком, или, по крайней мере, приготовленным в делу, тот должен

*Подвиг бытия означить тесным кругом.
и не вздыхать при виде Чупятовых
В мароккских лентах и звездах,*

а с легким сердцем удобривать землю в своем огороде; но только, если можно, перенести огород в столицу, ибо в деревне душно от исправников и «Северной Почты».

И у нас морозы, и вчера ни во дворце, ни в театрах ничего не было. От волков прибыль только Академии Медицинской, то-есть, анатомическому театру её, где рассекают трупы замерзших и заеденных.

Мы пустились в маскарады, и книгопродавцы не наготовятся костюмами. Все вояжи забраны, и матушки наши путешествуют в Истрии и Далмации, чтобы узнать, какой тюрбан

носят их жители, и как обути ножку дочерей своих. Я собираюсь в Дон-Жуаны при помощи Плещеева.

260. Тургенев князю Вяземскому.

21-го января. [Петербург]. Утро.

Спасибо за пирог, спасибо за стихи! Одно другого стоит, – и это лучшая похвала обжоры. Я не буду рушить пирога до приезда брата, которого ежеминутно ожидаю. Письмо твое и его из Варшавы получил еще четвертого дня, а его все еще нет. Я уверен был, что он понравится и сердцу, и душе твоей. Благодаря чуме, я надеюсь прожить с ним долее, нежели полагал прежде. Провожу в Москву, а оттуда, может быть, и далее. Чем долее продолжится ноя отлучка из Петербурга, тем лучше. Я увижу любопытную часть России и подышу если не свободным воздухом, то, по крайней мере, на свободе. Для меня это давно нужно. Я не постигаю, как не задохнулся я по сие время здешним морально-мефитическим воздухом.

Московский сенатор Малиновский приехал, но не привез с собою московского поэта-подагрика. Он, в виде Сатурна, метал в маскараде князя Барятинского стихи и слег в подагре.

6 часов вечера.

Боюсь не опоздал ли уже послать в тебе письмо сие и спешу кончить едва начатое за неделю у графини Головиной на репетиции воскресного спектакля; а теперь должен спешить отыскивать костюм для придворного небольшого. маскарада в Михайлов день и для предыдущего Голицынского.

Жуковский возвратился, а брата все еще нет. Я уже и начинаю досадовать на тебя за него. Стихи твои ко мне печатаются в «Сыне Отечества» под заглавием: «Послание с пирогом». Еще раз спасибо и прости! В другой раз гораздо более. Тургеневе.

261. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го января. [Варшава].

Я «Сына Отечества», по твоей милости, не получаю и потому не знаю истории академического заседания.

Каких поправок требуешь ты для моего «Снега»? Первые четыре стиха по другому изданию; разве только: *не говорливей* – не слишком ли шаливовато? А *слаще рошиут* не слишком ли шахматовато, шатровато, то-есть, шероховато? Другие поправки на ум нейдут, да, кажется, и не нужны. Сергей Иванович говорит, что ты *залога других побед* не понимаешь; а я в самом деле не понимаю, почему этот французский стих тебе не нравится.

Как доехал твой брат? Мы начинаем таять. Посылаю тебе две новые книги. Разумеется, отдай их тотчас Николаю Михайловичу; там пусти их по свету, куда хочешь, а наконец отправь в Москву, в Ивану Ивановичу. За то до следующей эстафеты удержу некоторые книги брата. Теперь отправляю «Conservateur " и баденскую книгу. Воля твоя, продолжать не могу, голова болит. Целое утро стоял под ножом варшавских тунеядцев; три часа, надобно еще писать, одеваться, а там ждать на обед пять или шесть либералов. Прости! Обнимаю во всю душу.

Когда услышим мы Карамзина на правом крылосе? Я, с левого, буду отдавать справедливость чистосердечию его дарований и, опершись на истину, отражать богатырские его нападения. Боже мой, когда проглянешь ты, день спасения? Когда скажу себе: «В России русскому жить можно: он имеет в нем отечество!»

Письма в Плещееву и Кокошкину отдай. Я – было их приготовил для актрисы Philis, но опоздал.

262. Тургенев князю Вяземскому.

28-го января. [Петербург] 4-й час.

Вот тебе стихи Пушкина *à une branleuse* вместо моего письма. Сережа приехал благополучно, и меня вызвали из маскарада князя Федора Голицына, где Кологривов пугал всех Наполеоновою маскою и всем его снарядам и походкою, даже его словами. К французскому посланнику подошел говорить, и он отвечал ему: «*J'aime à vous voir ici plutôt que partout ailleurs*». Я весь в хлопотах: сегодня маскарад у государыни, и вам велено быть в маскарадном платье.

Пришли непременно все сполна и поскорее брошюры, оставленные братом у мадам Заинчек и у тебя. Прости! Тургенев.

Здесь никак нельзя достать черного полосатого бархата, из коего делают жилеты и какой ты мог видеть и у брата, а в Варшаве, сказывают, есть. Пришли мне на один жилет пощеголеватее, но не опоздай и уведоми что заплатишь.

Я по сие время не получал письма твоего.

263. Князь Вяземский Тургеневу.

31-го января. [Варшава].

Спасибо за спасибо за пирог и стихи! Не испортился ли он дорогою? Увы, не могу сказать: «подожди меня». Надежды мои сошли с снегом. Не расцветут ли с розами? Впрочем, у меня в мае, то-есть, после родов жены, есть другая поездка на уме: в водам, например, в Карлсбад, а там можно забежать и далее, хоть бегом обнюхать, а в августе назад на сейм, а там... Но что развертывать свиток жизни кочующей, без цели, без надежд! Жизнь наша идет, куда глаза глядят; жизнь наша бродит, а не подвигается. Шатаемся по проселкам; большая дорога заросла травой, перерезана болотами, завалена грязью. Где найдем Вельяшева для устройства такой шоссе? Ни Пуколова, ни Аракчеев не родят его. Горе, горе нам, бедным пилигримам!

Сейчас был я оторван от письма профессором Якоби, с коим прохожу курс немецкой словесности. Но все это время ум не лежал в учению, а таскался по балам и редутам, праздную карнавал. Во вторник все кончится, и примусь путем за работу.

Что делает твой брат? Как смотрит он, и как на него смотрят? Научи его обуздывать пыл языка и слушать глупости. В Варшаве уже у него часто в ушах звенело; что же будет в Петербурге? Мне эти переломы вредны только за столом: какая-нибудь нелепость раздерет ухо, кровь вспыхнет в голове, – и варение желудка оставлено. Я могу спорить, когда тыкаю; но если приходится выкать, и еще хуже – вашепревосходительствовать, то от меня слова не добьешься. Я, как Сиес, уединяюсь в святилище мысли. Кстати о святилище мысли: что же не присылаешь мне «Сына Отечества», чтобы узнать подробно о осквернении святилища академического чтением Карамзина и Жуковского? Спасибо за «Послание» рудо – на. Хвостов портится; он должен бредить или молчать: я не заметил ни одного уродливого стиха.

Прощай! Потерпи до поста: теперь голова пуста, а насморк отнимает последний мозг. Вот три книги брата. На трагедии найдешь следы грязного пота варшавских красавиц. Я принужден был сшить новую рубашку на Людовика.

264. Тургенев князю Вяземскому.

4-го февраля. [Петербург].

Посылаю тебе кучу писем, уведомляю о получении письма, «Conservateur'a» и двух книг для Дмитриева, а сам не пишу к ленивцу, который спешит угощать тунеядцев обеденных, *des riqueurs d'assiettes*, и не пишет к приятелю Тургеневу. Присылай остальные братнины книжки и отбери все у княгини Заиончек. Брат скоро едет, но я могу послать еще в Москву, что пришлешь. Письмо к Плещееву и Кокошкину отослал, но третьего дня *Philis* здесь еще не было.

Сегодня, за смертью короля английского, отказан бал у государыни. Не знаю, не помешает ли это и другим. Скажи спасибо моей либеральной отваге, когда прочтешь недели через три все-что и вздумаешь обо мне. Не было в жизни моей эпохи столь замечательной по стечению важных дел и по усилию ума, интриги с моей стороны, и по напряжению умственной деятельности, как настоящая. Скоро скажу: «*Ne frustra vixisse videar!*» Обедаю с Карамзиным у графа Дебре. Прости! Тургенев.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

Le 5 février 1820. St-Pétersboarg.

Je me crois coupable envers vous, mon prince, d'avoir laissé partir une estafette sans vous avoir écrit. Je m'empresse actuellement de vous remercier pour l'accueil véritablement amical, que vous avez bien voulu me faire. Je m'en rappellerai toujours avec reconnaissance.

Je me suis acquitté de votre commission auprès de mon frère Nicolas. Je l'ai vu, ainsi que bien d'autres, s'occuper de l'affaire en question. Malheureusement on est réduit aux palliatifs, qui ne font que prouver qu'il n'y a qu'un seul moyen de se tirer de la fausse position où l'on se trouve.

Je prends la liberté de joindre à ce présent deux lettres pour M. le colonel Sass, demeurant h Varsovie, Hôtel d'Allemagne. Veuillez avoir l'extrême bonté de les lui faire parvenir et agréez en d'avance tous mes remerciements.

Présentez, je vous prie, mon hommage de respect et de reconnaissance à Madame la princesse et agréez l'assurance de l'entier dévouement et de la considération la plus distinguée de votre très humble et très obéissant serviteur S. Tourgueneff.

265. Князь Вяземский Тургеневу.

Пятница. [6-го февраля. Варшава].

Спасибо за маскарадное письмо от 28-го. Вы еще по маслу катитесь, а наш постный час уже пробил. Я, признаюсь, рад тому: голова шла кругом, и совсем от дела отбило.

Что за варварство шутка Кологривова! И вы имеете дух этому смеяться? Со всех сторон неблагопристойность и неуважение здравого рассудка и несчастья. К тому же у вас в Петербурге есть уже человек, который корчит Наполеона: довольно вам и одного. Куда вы еще варвары, мои голубчики! Гораздо лучше было бы одеться с одной стороны солдатом, а с другой монахом. Попробуй так показаться: авось, не догадаются.

Стихи Пушкина – прелесть! Не моей ли Минерве похотливой он их написал? Она, говорят, этим делом промышляет. Сейчас принесли мне 104-ю «Минерву». Вот Кологривову: «Il y a certainement dans toutes les âmes généreuses soulèvement et révolte à la vue des rigueurs inutiles et ignobles, qu'exerce sur un captif sans défense un gouvernement, qui ne se console pas d'avoir été 20 ans humilié par lui.» Кровавый Филатка Москвы в 813-м году, разбивши бюст Наполеона, сделал из него урыльник. Вот русские шутки!

Хорошо, что твой брат не поехал в Гишпанию! Можно надеяться, дело там хорошо завяжется. Говорил ли вам Сергей Иванович о разговорах наших насчет рабства? Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления в добру и пользе, и, без всякой огласки, без всяких наступательных предположений, рассмотреть и разбить подробно сей важный запрос, домогаться средств в лучшему приступу к действию и тогда уже, так или сяк, обнародовать его и мысль поставить на ноги. Правительство не могло бы видеть худым оком такое намерение, ибо в состав такого общества вошли бы люди и ему приверженные, и неприметным образом имели бы мы свое правое, левое и среднее отделение. Подумайте об этом, а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество; означить грани, за кой не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чегонибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью. Мы призваны, по крайней мере, слегка перебрать стихи, в коих таится наше будущее. Такое приготовление умерит стремительность и свирепость их опрокидания. Правительство не дает ни приветов, ни ответов: народ всегда, пока не взбесится, дремлет, кому же, как не тем, которым дано прозрение неминуемого и средства действовать в смысле этого грядущего и тем самым уладить ему дорогу и устранить препятствия, пагубные и для ездоков, и для мимоходов, кому же, как не тем приступить к делу или, по крайности, к рассмотрению дела, коего событие неотменно и, так сказать, в естественном ходе вещей? Ибо там, где учат грамоте, там от большего количества народа не скроешь, что рабство – уродливость, и что свобода, коей они лишены, так же неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце. Тиранство могло пустить по миру одного Велизария, но выколоть глаза целому народу – вещь невозможная. И, поверьте, в нашем предположении могли бы мы смело сказать: не *на*, а *за начинающего Бога*. Я рассматриваю сей запрос, как врач, который решился срезать нарост на теле, как уродливость, и по тому самому операции подлежащий, но вовсе не рассчитывает благотворных перемен во всем бытии больного, которые неминуемо последуют за срезанием нароста, отягчающего тело больного и препятствующего плавному течению крови. Глазной оператор снимает бельмо с глаз потому только, что бельмо – болезнь, но, ограничивая свое отправление, возложенное на него Провидением, исполнением своих врачебных обязанностей, он не помышляет о нравственной пользе, которую он страждущему приносит; он о том не помышляет, что он, исправитель погрешностей природы, дарует несчастному лазурь небес, торжественное сияние солнца, умильную улыбку красоты; но признательность возрожденного дополнит благотворителю то, о чем он сам не догадывался. Рабство – на теле государства Рос-

сийского нарост; не закидывая взоров вдаль, положим за истину, что нарост этот подлежит срезанию, и начнем толковать о средствах, как его срезать вернейшим образом и так, чтобы рана затянулась скорее; призовем в свою консультацию и тех хирургов, которых осторожность будет опасаться дотронуться орудием до целости какого-нибудь члена, а, может быть, и источника жизни; их мнения не должны быть слепо приняты, но уважены: они умерят запальчивость молодых головорезов; но к чорту тех врачей, которых насущный хлеб основан на лечении этого нароста! Мнения противные, запредельные, меня никогда не пугают, буде они бескорыстны». Прямодушие с обеих сторон – и можно стакнуться с помощью Божией. Если этот подвиг не подобает дворянству, то я первый запишусь в охотники и в члены Англинского клуба: вот круг действия потомков Пожарского. Повторю еще свою начальную мысль. Правительство наше играет всегда в молчанку и собирает только фанты; но, будь оно и живее, не его дело решить этот запрос; пожалуй, разреши оно узы рабства в своих поместьях, то и тогда еще оно нам не уваз: иные его отношения, иные наши; политическое ^ытие его не основано на крестьянстве, дворянское до сей поры им только и держится. Хотите ли ждать, чтобы бородачи топором разрубили этот узел? И на нашем веку, может быть, праздник этот сбудется. Рабство – одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие будущие замыслы. Кому же, как не нам, приступить к этому делу? Корысть наличная, обеспечение настоящего, польза будущего – все от этой меры зависит. Посмотрите, как нравственно разживется государство, как дышать свободно оно будет, отделавшись от этого зоба, который дает России вид настоящего кретина! Все прочее придет само собою. Без сомнения, начнем разом, более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в это общество. И если государь принял благосклонно такое предложение от литовцев, зачем не примет его и от нас? Но я все-таки повторяю одно: не правительству давать зачин. Пусть хорошенько разварится эта задача теоретическим образом, но теми же самыми, которые могут пустить ее в ход практическим, а потом уже сделать из неё дело государственное и общее. Понял ли ты меня? Поняли ли вы меня? Поймут ли они нас? Аминь, и едва ли не на веки веков. Для такого занятия охотно возвратился бы я в Россию и даже готов был бы смеяться шуточкам Кологривова и кого угодно.

Что же «Сын Отечества»? Вот еще пища для него. Прости! Братьям мой нижайший поклон. Вот еще две брошюры. Жилет пришлю по первой эстафете. Что ты делаешь с моими деньгами? Присылай и вычти 500 рублей для Сибирякова.

Говорят, что m-me Alexandroff идет замуж за адъютанта великого князя, Вейсса, брата княгини Трубецкой. Поздравь ее с прибылью семейною.

Суббота.

266. Тургенев князю Вяземскому.

[Начало февраля. Петербург].

Письмо от 31-го января получил и приложенное разослал исправно. Но еще не все книги брата Сергея тобою доставлены: Bailleul, «Annales protestantes» (которые теперь мне очень нужны), Tibère, «Divan» Гёте и брошюру о жидах, также мне очень нужную. Он еще здесь, и мне хочется продержатъ его подолье и потом проводить, если не до Одессы, то, по крайней мере, до Москвы.

Какой Якоби знакомит тебя с немцами? Кто и где он был? Не у нас ли в Петербурге, прежде и потом опять – в Галле и пр.?

Брат не имеет нужды обуздывать пыл языка, ибо, к счастью, мы всегда почти вместе и почти нигде не бываем; однако ж и тут не избежал порицания длинного и стареющагося и старого француза, придворного у маленького двора, который, не видав его, думал отгадывать слова и суждения его о вещах.

Погуляй по белу-свету, но не мотай, а берегай деньгу на черный день, то-есть, к тому времени, когда пройдут черные дни беспутной или бесцельной жизни, и тебе можно, и потому должно будет отдохнуть в Европе от Варшавы. Но отдыхать можно только с спокойною совестью, которая спокойна не бывает при расстроеном имуществе, не благоприобретенном, а наследственном. Sapienti sat!

Граф Воронцов назначен в Кременчуг корпусным командиром, на место князя Горчакова, который заступает место в корпусе князя Д. В. Голицына. Прости! Тургенев.

267. Князь Вяземский Тургеневу.

18-го февраля. Варшава.

Что ты городишь? Каждое письмо мое более твоего: ты пишешь в таком просторном духе, что на странице твоей едва сочтешь десять строк, а я *убиваю мелкою печатью*; ты стреляешь ядрами, а я – дробью. Сколько раз оставлял ты меня для протопопского обеда или министерского ужина! Мне случилось раз от пера оторваться для либерального банкета, и ты смеешь пенять. У меня каждый раз прения французской палаты снова преют за варшавским обедом. Спроси у брата, какое у меня шампанское *sec*, выходец красноречивый Эпернея, и скорее тащи платок из кармана: слюнки так и потекут; а спроси у брата, какой рейнвейн, выходец с Ивановской горы: ты прыгнул бы выше Ивановской колокольни от одной рюмки. Нет, брат, не требуй пожертвований выше сил гастрономических!

Сейчас пришли мне Библию русскую и перевод Евангелия! Смотри же, сейчас! Я бархатных жилетов искал, но не нашел. Сегодня черно на душе. Мы имели уже несколько дней весенних, но погода сделалась пасмурною, и туман сел на сердце. Василий Львович пишет мне о медали академической:

«Я люблю Тургенева и люблю сердечно. Он умеет ценить достоинства и предан Николаю Михайловичу». Неужели это тебя не растрогает и не напишешь ему? Сделайте милость, лелейте его старческую молодость. Право, другого его не найдем.

Горю нетерпением узнать, в чем состоит твой либеральный подвиг, и что скажете вы о последнем письме моем. Если вы его не одобрите, я, как сумасбродный Ржевуски (муж Розали), который из Алеппы пишет и требует от правительства, буде оно не примет его предложений, *un brevet d'incapacité* (вот в России новый источник пошлин для казначейства), потребую, чтобы вы меня разрешили, продам все, что есть за душою, и – хоть трава не расти! Стихи мне почти надоели; чорт ли в охоте говорить всегда около того, что мыслишь и чувствуешь, а там вдруг вырвется хороший стих, коего мысль себе присвоиваешь из хозяйственного расчета. Право, это правда. Спроси у Жуковского; он не признается, спроси у Хвостова; он не поймет, стало правда.

Пуще всего мне Библию и перевод Евангелия: брюхом алчу. Не худо о моем требовании упомянуть в первом отчете библейском: оно не безукрасит имен князей калмыцких и проч. и не менее назидательно будет.

Почто так рано изменила
С мечтами, радостью, тоской,
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!

Эти стихи с некоторого времени у меня как за язык повешены, и письмо сегодняшнее не было бы зеркалом сегодняшнего меня, когда не подтвердил бы их тебе. Дать ли тебе отчет в них? Послушай, да смотри, никому не сказывай, побожись! Ну... Все будешь знать, скоро состареешься; а тебе верно еще долго хочется молодежничать; в доказательство того те два жилета, которые не могли укрыться от неутомимых исследований дружбы заботливой. Поцелуй Жуковского. Вот письмо брату; если его уже нет, то можешь распечатать: тут и тебе есть сережка.

Прислал ли я тебе для Дмитриева вторую часть «Конгр[есса] Карл[сбадскаго]»? Вот еще одна брошюра Сергея Ивановича. Отыщешь ли моего «Каченовско-Вольтера»? Пуще всего Библию и Евангелие!

268. Тургенев князю Вяземскому.

[Первая половина февраля. Петербург].

Благодарю за письмо от — ¹. Оно и меня, и братьев сердечно порадовало и пришло в такую минуту, когда мы занимались сродным сему предметом или, лучше, приводили в исполнение до некоторой степени твои предположения. Скоро начнутся прения о сем, и я стараюсь подкрепить себя указом Петра великого, который начинается: «Обычай в России есть продавать людей, как скотов» и пр. Он велел Сенату заняться придуманием средств в искоренению сего обычая. С тех пор законодательство не шло вперед по сей части. По крайней мере нам не должно идти назад через сто лет после Петра I. Но большинство голосов не будет в нашу пользу. Я это предчувствую. Уже многие нарохтились противодействовать и делом, и словом благим намерениям высшего правительства. Но написанного и топором самовластия они не вырубят. По крайней мере имя наше спасется в летописях либерализма. Впрочем, я и в существенной пользе от сих прений не отчаиваюсь. Голос человеколюбия и вечного правосудия не исчезнет в пустынном воздухе. Будут отголоски, которые, если не в настоящем, то в неотдаленном будущем отзовутся. Во всяком случае ты прав, что в сем случае «за начинающего Бог»!

1000 рублей посылаю, 500 отданы в кассу Сибирякова, которая скоро, вероятно, наполнится. посылаю и «Сына Отечества». Я для тебя подписался и буду исправно доставлять сам, если журналист за это не возьмется. Трудно для меня посылать вовремя, ибо часто забываю за множеством хлопот.

Справедливо ли о брате княгини Трубецвой? Вчера давали в пользу одного несчастного, Гольц, концерт, и добрая *Vogondio* пела в последний раз даром. Мы потребовали «*Tanti palriti*» и оглушили ее рукоплесканиями. Роздано было 1500 билетов. Большая зала у Раля, бывшая манежем, наполнилась так, что многие не нашли места и возвратились домой. Дочь Гольца, тут игравшая, одержав победу над девичьей стыдливостью, спасла отца.

Вот что пишет Дмитриев в последнем письме во мне: «Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? Я не хотел бы, чтобы он для всех журналистов был щедр. Пускай бы один только журнал был хранилищем лучшаго».

Прости! Если успею, напишу еще сегодня. Деньги нужно послать ранее.

Сейчас получил от Греча семь книжек «Сына Отечества» и посылаю их в особом пакете. Он сам взялся пересылать журнал.

¹ В подлиннике числа не означено.

Н. И. Тургенев князю Вяземскому.

18-го февраля. [Петербург].

Все мы с душевным удовольствием читали прекрасное письмо ваше в брату, почтеннейший князь. Мысли ваши об освобождении крестьян совершенно согласны с мнением тех людей, которые здесь имеют какое-нибудь мнение о сем важном предмете. Теперь идеи о крепостных людях вошли здесь в некоторое обращение более прежнего. Различные злоупотребления власти господской, дошедшие до сведения правительства, побудили его заняться рассмотрением средств, которые могли бы пресечь продажу людей *без земли и по одиночке*. К сожалению, члены верховных мест в государстве большею частью и в сильной степени, заражены еще татарскими предрасудками. Еще достойнее сожаления то, что эти татарские мнения пользуются некоторою *народностью* (popularité). Но, как-бы то ни было, теперь говорят о рабстве и даже пишут, хотя и не печатают. Следственно распространение идей здравых и искусно изложенных теперь важно более, нежели когда-нибудь. Потому все, желающие успеха доброду делу, должны желать, чтоб вы исполнили свое намерение: «изложить вашу мысль о средствах освобождения и постановить правила, на коих должно бы основано быть соединение людей, желающих сего освобождения». Пребывание ваше в Варшаве может способствовать исполнению вашего намерения. В бывшем герцогстве Варшавском рабство было уничтожено. Может быть сие уничтожение, произведено было слишком скоро, без надлежащего предуготовления, но сии сильные недостатки покажут вам истинные средства в более ясном свете. К тому же и настоящее положение крестьян в Польском королевстве, здесь совершенно неизвестное, взаимные их отношения с помещиками могут объяснить предмет сей и для нас, русских. Всякая справедливая идея, однажды пущенная в обращение, не погибнет, и рано или поздно будет возвана к жизни. Кроме сего, кажется, можно возобновить мысль освобождения крестьян наших в самой Варшаве, во время открытия сейма, когда от нас приезжают к вам, Н[иколай] Н[иколаевич] в старину сам был охотник до этих вещей. Неужели и в сем случае можно быть равнодушным?

Извините, что я наскучил вам моим сухим письмом. Но живущему на чужой стороне всякая весть из отечества приятна. Так и меня радует всякая европейская мысль посреди этой азиатской тьмы, в которой мы здесь блуждаем. Если бы слабый луч надежды не таился еще в сердце моем, то я давно бы не смотрел уже на этот снег и на эту *нравственную* стужу которую бы надобно описать не Хераскову, а вам или Пушкину: «Описание нравственной зимы». Право, есть от чего замерзнуть!

Примите, почтеннейший князь, уверение в моем истинном уважении и преданности. Н. Тургенев.

269. Тургенев князю Вяземскому.

26-го февраля. [Петербург].

Благодарю, любезный друг, за письмо и за жилеты и посылаю Библию и Евангелие на русском. Я разделил посылку на два пакета и одну посылаю через графа Соболевского. Весь пост и здесь, и в Москве буду щеголять в твоих жилетах. Туда собираюсь с братом Сергеем, но еще не знаю, когда выеду, ибо его заняли работой. Во всяком случае, Страстную и Святую хочется нам провести у матушки. Желал бы и далее с ним ехать, но не знаю еще, удастся ли мое предположение.

Убийство Берри и смерть графини Потоцкой, урожденной Браницкой, здесь всех занимает. Сегодня французский министр торжественно оплакивает в церкви своего принца и друга. Он был к нему лично привязан и теперь тем безутешнее, что расстался после размолвки и не успел примириться, хотя не менее был к нему привязан. Мы ожидаем французские журналы, чтобы судить о впечатлении, которое произведет на партии сие происшествие. Убийца – Занд в своем роде, и раскаяния, говорят, не показывает. Но вы лучше нас о нем и о Франции узнаете.

Вот тебе и еще гостинец от Уварова: русские стихи Батюшкова; я думаю, что и в прозе есть его помарки. Прежде письма уже и брат описывал мне вино твое. Жаль, что ни его, ни тебя не будет при твоём пироге, который на сих днях разрушается. Но постараюсь не пристыдить жирного французского гостя и представить его с истыми его соземцами; а Василью Львовичу, в честь тебя, pošлю несколько крупиц от развалин Периго при длинном письме.

Племянник почти кончил свою поэму, и на сих днях я два раза слушал ее. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям, но, по выходе в печать его поэмы, будут искать на нем если не парик академический, то, по крайней мере, не первостепенного повесу. А кто знает, может быть схватят и в Академию? Тогда и поминай как звали! И Жуковский стал не тот с тех пор, как завербован, и даже начинает жалеть, что поминки твои о нем в письмах ко мне реже встречаются. Если отыщу в своей подстольной архиве новейшие стихи его, то пришлю.

Отведи душу: скажи, на что тебе наша Библия? И как согласить это требование с твоею полу-исповедью, в четырех стихах заключающеюся?

Вторую часть Прадта получил, но, кажется, Карамзин не послал ее еще в Дмитриеву, хотя я уже и уведомлял последнего о получении отчетов.

Брат собирался сам отвечать тебе, но еще спит, и что-то нездоровится ему. Я боюсь, чтобы здешние весенние зефиры не помешали ему долго встретить царьградского Борея.

Уведомь меня поскорее, отчего не получаем мы по сию пору купленных нами рукописей, за кои давно уже и деньги к вам посланы? Зимний путь пройдет, а воды отсюда до Варшавы не было, следовательно, и не будет.

Да пришли мне с первым курьером то, что я давно просил у тебя: «Charte constitutionnelle et statuts organiques du Royaume de Pologne», Varsovie, с польским. Если есть и другие акты, а особливо о разводе и прочее, то доставь. Я не знаю, чем руководствоваться по вашим делам, а беспрестанно случай встречается. Вы еще держитесь или только придерживаетесь наполеонова Уложения. Как жаль, что покойник Deschamps, мой товарищ – уже покойный. Он бы вразумил меня.

Сейчас (12 часов пополудни) вхожу я чрез алтарь в католическую церковь, а оттуда выносят Коломби, гишпанца, который умёр у самого алтаря, стоя с другими министрами при отпевании герцога Берри, апоплексическим ударом. Церковь была полна и «освещена только мраком». Каков вздор! Или: «виден был только мрак»! (Подражание Делилю, который слышал

одно безмолвие). А прогос: St.-Maure на сих днях начинает свои двенадцать лекций, и я жалею о своих ста рублях. Сейчас прислали мне сказать из библейской лавки, что русского Евангелия уже нет. Все вышло, а Библию посылаю. Постараюсь, однако же, отыскать и русское Евангелие к следующему курьеру.

270. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го февраля. Варшава.

Мое существование так идеально, так мало ощутительно, что я никогда не надеялся успеха ни в чем. Мне всегда казалось, что шаги мои не дотрогиваются земли и следов по себе не оставят. В самом деле, хотя, может быть, и имею, если не неприятелей, то по крайности недоброжелателей, но и те более не любят меня как мнение, какою-то невидимую силою их подавляющее, нежели как препятствие, лежащее поперек низменной дороги жизни. Теперь представляется мне случай наступить на землю: соберусь со всеми силами, чтобы врезать этот шаг. Пускай откроет он новое поприще, и не занесет его ветер забвения, и не заростет он крапивою ничтожества! Так: за начинающего Бог! Друзья, за мною! Недоброжелатели, прочь! Или нет, столпитесь, перечьте мне: ваши гнусные усилия натянут еще более порыв благородного умысла.

Ты видишь по этому вступлению, что я получил ваши письма и ободрен вашим одобрением. Растолкуй, где и как начнутся прения, кои ты предполагаешь. Брат твой говорит, что правительство занимается рассмотрением средств пресечь продажу людей *без земли и по одиначке*. Я не понимаю. Да ведь оно давно сделано: злоупотребительные увертки от сего постановления, кажется, такого рода, что трудно искоренить их. Пожалуй правительство, сколько хочет, греми против сверхзаконных процентов, но пока лишние деньги будут у заимодавцев, а недостаток в деньгах у должников, правительство станет всегда проповедывать в пустыне. Пока будут продавцы и покупатели крови, торг крови увернется всегда от закона: будут отдавать в служение, в учение, в мучение и так далее. Здесь рану не усыпить, а исцелить нужно. На это одно средство.

Благодарю за «Сын» и прошу поблагодарить Греча. Измайлов не так поступил; он подкупил меня, присылая даром «Благонамеренного»: вот мой ответ на лестный выговор Ив[ана] Ив[ановича]. Если успею, перепишу «Послание» к нему и отправлю сегодня.

Конечно, Вейсс женится и вскоре, *à la mi-carême à la St.-Joseph*. Великий князь иначе не входит к ней в комнату, как пропевая куплеты звонаря в «Вертере»: «*Dieu don, Dieu don, mariez-vous donc*». Вчера вечером выкинуло у него из трубы, а час спустя сгорел лубошный театр обезьян и собак; несколько актеров сгорело.

Прошу Библию и Евангелие пуще всего, а там «Пустодома» и другие новые комедии Шаховского. Кто этот увеченный дьявол, который городит о театре? Эти театральные статьи напоминают мне шутку Желтого Карла о каком-то Сенове: «Он написал пятьсот сорок три статьи о французских актерах и театре; предлагают заклад ста луидоров о том, что в них не найдется ничего похожего на мысль». Непостижимо, какое отсутствие мыслей присутствует почти во всем, что пишется у нас в журналах! Ни малейшей игры ума, ни малейшего движения! Это даже не плоско, а просто пусто.

Прости, душа! Скажи хоть слово о Жуковском. Примусь переписывать. Прочти и отошли. Тысячу рублей получил.

Переписка княгини В. Ф. Вяземской.

Voulez-vous avoir l'extrême complaisance de m'envoyer cinq ou six boîtes de magnésie, de celle qui se vend au magasin anglais; il faudra les faire mettre dans une caisse de bois pour qu'elle ne se gâte point, et vous m'obligerez infiniment en me l'envoyant le plutôt possible et en m'excusant pour mon importunité. Je vous salue, en vous souhaitant tout plein de prospérité

271. Тургенев князю Вяземскому.

3-го карта. [Петербург].

Спасибо за письмо без числа, но с четырьмя стихами. Первую половину сообщил Сверчку. Посылаю песню Жуковского, а твою остроу на чужую тупость отдам в «Сына». Постараюсь сегодня послать и русское Евангелие. Жуковский не собирается в Берлин, но охотно поедет, если поедут и возьмут его с собой.

Я читал почти все листы французские о последнем происшествии и получил портрет убийцы, который хотел послать к тебе, но Булгаков отнял его у меня для брата Александра. Теперь читаю «Maximes et pensées du prisonnier de St.-Hélène». Много оригинального и, вероятно, ему принадлежащего. Сейчас входит возвратившийся из – ² Остолопов и отнимает последние минуты. Тургенев.

Для Сибирякова все деньги собраны.

² Место не означено.

272. Князь Вяземский Тургеневу.

[Начало марта. Варшава].

Вчера целый день таскался по шингаркам, кабакам, – домам, чердакам, подземельям, лавочкам, мастеровым, входил в незнакомые дома и прочее; сегодня то же ожидает. Отгадай-ка! – перед концом поста дамы, вызываемые обществом *dobrocziносd*, ходят по всему городу просить Христа ради в пользу госпиталей, сиротских домов и богадельней; две такие дамы взяли меня в себе в секунданты; одна из них – девица и, по общему мнению, не моему, считается здесь из первейших красавиц; другая также миловидна и любезна; другой секундант – наш брат, и таким образом эти Гогартовы прогулки, в которые часто нападаем на природу врасплох, любопытны и забавны. Предложи это предложение в своем Обществе женских патриотов.

Я получил образчик твоего редкого письма от 3-го марта и рад, что совесть меня не уьбет, если ответ также не весьма будет плотен.

Если Сибирякову все деньги собраны, то, ради Бога, напечатайте письмо рязанского дея, с историческим предисловием, а там и я бухну свое послание, чтобы дея векам изобличить. Хорошо если бы Ник[олай] Иванович взялся за это; признаюсь, боюсь ума Глинки кудреватого, но, по крайней мере повидимому, всегда благородными побуждениями движимого.

Прочти 17-е письмо о Ста днях в 109-й «Минерве»: «Но кто, впрочем, не знает, что опоры правительств слабых всегда расположены советовать насилие? Доказательство тому могло бы легко быть представлено».

Как Гречу не стыдно, по крайней мере извлечениями, не знакомить Россию с тем, что пишется в Европе, а он все твердит нам о Камчатке; чорт ли нам в Камчатке: мы сами первородные камчадалы. Кстати о «Сыне»: что значит, что я по почте снова получил семь книжек Греча? Для кого и почему? Да кроме того попроси Греча, чтобы он всегда отсылал прямо в канцелярию Мраморного дворца, а не через почту; скажи эту просьбу Николаю Михайловичу; он всегда журит меня за расточительность.

Читал ли ты «Летописи» московского Общества, год III? Это – библия глупости. Отыщи на 22-й странице письмо Хвостова: настоящая притча! *Герой в словесности, облеченный в броню вдохновения!* Не могу выдержать – не выписать; может быть, книжки у тебя под рукою нет, а это золото:

«Судя по преклонности лет моих, может быть, удастся мне принести первому в Елисейские поля о решении последней задачи вашей о способностях и преимуществе друг над другом двух наших лириков... Мы водили хлеб и соль с Гаврилом Романовичем».

Я хотел бы знать, чье это золотое *преимущество друг над другом!* Хвостовщино ли, или Прокоповщино. Кто лучше: папенька или маменька? – И папенька лучше, и маменька лучше.

Посылаю тебе «Хартию» и две книжки «*Annales protestantes*». Сколько их было? Я только сейчас получил их от Zaiączek, которая брала их с собою в деревню. Живи здоров. Жуковскому – поцелуй за песню.

И бешенство грозные лица зажгло –

бешеный стих. Поклон братьям. Нет ли еще портрета Лувеля?

В разводах держатся буквально Кодекса Наполеонова. Прочти в листах французских голос г. Фоу в депутатском заседании 6-го марта.

273. Князь Вяземский Тургеневу.

22-го марта, европейского. [Варшава].

Небрежностью людей иль прихотью судьбы
В один и тот же час и рядом
От свечки вспыхнули обои здесь; там, на дом
Выкидывало из трубы!
«Чего же было ждать?» сказал советник зрелый,
Взирая на пожар: «Вам нужен был урок:
«Я от такой беды свой домик уберег».
«А как же так?» спросил хозяин погорелый. –
«Не освещаю в ночь, а в зиму не топлю».
«О, нет! Хоть от огня я ныне и терплю,
«Но костенеть в потьмах здесь человек не сроден;
«В расчетах прибыли ущерб место дам:
«Огонь подчас во вред, но чаще в пользу нам,
«А твой гробовый дом на то лишь только годен,
«Чтоб в нем волков морить и гнезда вить сычам!»»

A bon entendeur saint!

Назовите, как хотите,
И отдайте в «Сын».
Если цензор – Valrebut
Или просто с- сын,
Хвост поджавши от испуга,
Не забьет в набат.
И зажигателя Лувеля – Тистлевуда
Не отошлет в верхонный каземат,

то-есть, в кабинет министра на рассмотрение, как то было с статьей о Вольтере. Прости!
Будь здоров! Это письмо не в счет. Назвать просто: «Пожар»; не выставлять: *Варшава*.

274. Тургенев князю Вяземскому.

17-го марта. [Петербург].

Завтра рушу с приятелем твой пирог и скачу по мокрому снегу с братом в Москву. Вот и тебе завуска и на зубок. Прочти пятничный «Conservateur» и газеты русские субботняя и другие и вспомни меня.

Продолжай писать по прежнему. Брат будет пересылать ко мне письма, а я буду искать из старой столицы сердцем и пером старого друга.

Боргондио в один концерт собрала в Москве 15000 рублей.

275. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го марта. [Варшава].

А мы разве не умеем писать пятистрочные письма? Извините, и у нас хлопоты: шататься с целым городом, от первого воеводы до последнего трубочиста, по церквам – поклоняться гробу Христа. Должно бы тебя наказать; но уж так и быть, для братьев твоих скажу, чего у вас, может быть, еще не знают. В прусской «Staats-Zeitung», одной из вернейших европейских газет, 25-го марта, сказано, что, по известиям из Мадрита, король принял конституцию кортесов, обнарудовал и поклялся ей; живите здорово!

Так и быть, посылаю через тебя незапечатанное письмо к Орлову. Ты этого не стоишь, но так и быть. Вот еще посылка Смирновой. Что сделал ты из письма, которое я тебе на её имя прислал? Она его не получала. А два письма светлейшему Меншикову? Пуст он мне хоть через тебя слово отвечает: тут идет дело о судьбе человека.

Выдай за меня сто рублей для семейства Маздорфа, о воем упомянуто в 9-й книжке, и не худо бы сделать для него Арзамасскую складку и так и отослать *из Арзамаса*. Это лучше будет, чем при каждой плевке моей выставлять: *Варшава*; что за клеймо такое! Воейкову отошли мой ответ. Он пишет ко мне, что Каченовский выкинул из отрывка о поэтах (помнишь, о воем я тебе говорил) стихи обо мне.

В воздухе лето, на земле грязь; пишу у открытого окна. Смерть Христа привела весь город в волнение: все на улице, а моя улица самая расхожая. Поневоле спускаешь глаза на маленькие ножки, пробирающиеся осторожно по грязной мостовой.

На обороте рукою Н. И. Тургенева: Александру Ивановичу.

276. Тургенев князю Вяземскому.

20-го марта. [Петербург].

Посылаю тебе на трех языках доклад наш и выписку из одного в «Conservateur», сделанную в Министерстве иностранных дел, частию братом Сергеем. И то и другое было мною переправляемо. Что-то скажут в Европе?

Исполнение сделано втайне, прежде, нежели доклад опубликован был. Мы поразили пастырей в Полоцке в одно время, и оттого овцы разойтись не успели. Предписания всюду гражданским и духовным начальством получены были в один миг. Скажи Николаю Николаевичу, что это – мысль еще 1807-го года.

Помнит ли он, что я, по его приказанию, тогда еще написал историю иезуитов в России? Но сажусь в кибитку, чтобы ехать или плыть в Москву.

277. Князь Вяземский Тургеневу.

27-го марта. [Варшава].

Надобно же родиться счастливым! Перед отъездом в Москву – второго Владимира! Сколько лишних обедов, кулебяк, вишневок! Уж полно, не сам ли ты написал указ о себе?

Сделайте милость, друзья мои, если уже суждено мне узнавать о смерти кого из вас, так пусть узнаю в Варшаве. На днях поразили меня на несколько часов известием о смерти Орлова, но, по счастью, я дознался истины. Что ты делаешь в Москве? Ради Бога, поражай закоснелых, запоздалых и не потакай бригадирам из стерляди или кулича. Там такая лежит ночь, что ужас! Перевлюбись в Урусову за меня и за себя, видайся часто с Васильем Львовичем. Толкнись все-где с нашим намерением на счет освобождения крестьян. Дмитриев холоден и осторожен; но постарайся узнать, что он о том думает. Что английские клобники говорят о Гишпании? Прости! Мне писать некогда. а тебе некогда меня читать. Скажи мое почтение матушке, и брату сердечное приветствие. Булгакова обними. Поклон Borgondio и зови ее к нам. На первом бале провальсируй за меня с Урусовою и Киселевою, Варенькою. Купи мне хорошего турецкого табаку и вышли из Петербурга; спроси у Толстого-Американца. Смотри, не забудь!

278. Князь Вяземский Тургеневу.

4-го апреля. Варшава.

Гонитель езуитов
И кум митрополитов,
Здорово ли живешь?
Как спишь, как пьешь, как жрешь?

Наше правительство ребячится и, слыша о *coups d'état*, и свои заводит. Воля твоя, я худо верю о пагубном влиянии езуитов в России. Мы веком отстали от Европы и непременно хотим проходить все её следы. Когда-то гнали езуитов, и мы гнать их спохватились. Во Франции либералы на них теперь нападают и на всех миссионеров, как на орудия обскурантизма, деспотизма и прочее. Что нам за дело, что несколько жидов окрестят латинскою или греческою водою? Кой чорт могут езуиты наделать в Сибири? Конечно, французские листы наскажут несколько похвальных слов газетному герою, на коего курс страшно в них упал с некоторого времени. Если вы это даете Европе, как антидот от Стурдзы, то хорошо: по крайней мере есть какая-нибудь польза. Но куда же их вывезли? Неужели голых бросили на границе? Да и это что значит, что их обобрали? Выгнать – выгнать, а вознаградить можно бы за то, что от собственности их отнимают. Ты видишь: я непримиримый *wigh*. Но в самом деле, не тысячу ли, не миллион лет, не бесчисленное ли число мер, действий предлежит правительству важнейших? Нет, оно и краем руки до них не дотрогивается! В вашем доме завелись ужи и змеи, а вы расставляете мышеловки и с торжественностью вешаете пойманных мышей на дверях на диво прохожих.

Что дал бы я, чтобы день прожить с тобою в Москве! Нынешним летом, вероятно, съезжу против солнца, если не удастся съездить по солнцу, то-есть, в европейскую сторону. Прости! Василю Львовича поцелуй и за меня выслушай новую басню, если есть; а если нет, так хоть старую. Сергею Ивановичу мой сердечный поклон. Как сошлись они с Николаем Михайловичем? Ты верно поехал за *Borgondio*? У нас каникулы.

279. Тургенев князю Вяземскому.

21-го апреля. С.-Петербург.

Fuimus Trojae – в Москве. Как сон прошла двадцатидневная жизнь моя. Я жил с другом-братом, с новыми и старыми приятелями, с старыми воспоминаниями и с жирными стерлядями, под новинскими качелями, жизнью души с братом и сердца – с прелестными московскими красавицами, в которых все прекрасно, кроме башмаков, на конце немного загнутых и не по ножке сшитых. Хоть бы ты над ними сжалился! Я не смел глаз опустить вниз и если не упал к ногам их, то только для того, чтобы не встретить широкого и измятого башмака на китайской ножке. Все мои минуты были взяты. Последние провел я в неизъяснимой грусти по брате, которого Бог знает когда увижу. Равлува тяжела с ним и отравила мои наслаждения. Я решился устроить будущее свое так, чтобы жить с ним вместе, ибо без этого счастья, так как без этой надежды, спокойствия быть не может. Где бы то ни было, но вместе. Это первая потребность теперь не только сердца, но и души, но и ума, всего, что называется жизнью в жизни. Я решился через два года ехать за ним в Царьград и ехать с ним или за ним, куда судьбе угодно. Никакая звезда не уклонит меня с сего направления.

Начал Москвою, а свел на брата, ибо и там он был главною или, лучше, единственною моею мыслью. Прочее были мечты, хотя и прелестные.

Кстати о прелестях. Письмо твое и поручение танцевать с Урусовою и Киселевою получил накануне отъезда, но исполнил его в духе проведения накануне и, не смотря на каноническую мою важность, вальсировал с ними в котильоне, по их приглашению. NB. Ибо иначе не пускаюсь.

Теперь явилась на сцену дочь А. М. Пушкина, милая и умная, как мать, с которой покороче познакомился, Алексей Михайлович был также моею отрадою, ибо он – с умом необыкновенным и воздержнее врет прежнего. Василья Львовича лелеял и по твоему завещанию, и по собственному побуждению. Вот тебе письмо его, которое распечатал неугомонный племянник. Едва его здесь не уgomонили без меня, но он сам к тебе пишет. На два года положено хранение либеральным уставам его.

Иван Иванович все так же чопорен и мил, как был. Тебя благодарит, ибо Европу по тебе и по Англинскому клубу знает. Москва во многом старом оживает. Более приему в гостиных, несмотря на раскол Благородного Собраниа, в котором *отделение* так называемое, хочет перебить лавочку у старого Англинского клуба. Я не понял причину их распри и выслушаю altera parte от С. С. Апраксина, который на днях сюда будет.

Американцу о табаке сказывал, но он, кажется, собирался писать о нем в Тульчин к Киселеву.

Пушкин прочитал мне письмо к тебе, и я увидел, что он едва намекнул о беде, в которую попался и из которой спасен моим добрым гением и добрыми приятелями. Но этот предмет не для переписки.

Твои замечания о иезуитском деле полусправедливы. И я на них сердит не столько за то, что они делали, как за то, чего они не делали, имея 20000 душ, дома и библиотеки. Какие средства для просвещения, а они забавлялись над шизматиками, еретиками и жидами! Разве мы в XVI веке? Собственность их была собственностью государства, ибо их сохранили в России при всеобщем уничтожении ордена на известных условиях, которые ясно изречла Екатерина. Они не исполнили оных и потеряли право на средства, кои им предоставлены были. Иезуиты, как частные лица, собственности не имели и по законам ордена не могли иметь. Впрочем, средства, но не цель, изменились. Иезуитов, то-есть, тех же средств к достижению цели не существует в России, но цель – польза церкви католической и богоугодных заведений – осталась неприкосновенною. Государь велел отправить их и дать им все нужное на дорогу, не только до границы,

но и далее, и все исполнится с возможною в подобных случаях либеральностью. В самое то время, как у нас невидимо собиралась над ними гроза, грянул гром на них и в Гишпании и разразил их вместе с инквизициею. Несмотря на запоздалых, *novus ab integro nascitur ordo*, и везде, даже часто самыми запоздалыми, споснешествуется новый порядов вещей. Долго все это еще не уложится,

Боргондио здесь, но больна. В Москве она не понравилась, но собрала много денег. *L'un vaut l'autre*. Филис слышал третьего дня у князя Голицына и говорил о тебе. Она мила, поет хорошо, но голос резкий и не всегда приятный. Прости! Я опять погружен в хлопоты и не могу без грусти вспомнить о московском сладком бездействии. Но я и там много видел и не без пользы для службы. Тургенев.

280. Тургенев князю Вяземскому.

28-го апреля. [Петербург].

Я приехал сюда не в одной скуке и грусти, по и к горю: успел уже похоронить лучшего моего чиновника и десятилетнего сотрудника по духовным и потом и по советским делам, Неверовского. Он оставил беременную жену и трех малолетних дочерей. Донесение мое о нем князю было прочтено государю, и вдове по смерти, а дочерям по замужество, назначено три тысячи пенсии и 7600 рублей единовременно. Я говорил о нем правду и от всего сердца. Кричать будут, но Бог с ним и чорт с крикунами.

Хлопоты чрезмерные: пет времени сказать слова ни о книге графа Мейстера, ни о переродетой «Минерве» и даже о Пушкине, который едет к генералу Инзову в Крым, и с которым поступлено по-царски в хорошем смысле сего слова. Тургенев.

281. Тургенев князю Вяземскому.

5-го мая. [Петербург].

Сейчас площадь пред моими окнами обновлена сорокатысячным парадом. Сад, кровли и канал усыпаны были народом, которому третьего дня музыка всего гвардейского корпуса заунывными рогами и прочим возвестила блестящее нынешнее зрелище. Вот статья, не из письма к тебе, а из «Северной Почты», в скуке и с Козодавлевым почивающей.

Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем. Мы постараемся отобрать от него поэму, проч[итаем] и предадим бессмертию, то-есть, тиснению. Он стал тише и даже скромнее *et, pour ne pas se compromettre*, даже и меня в публике избегает.

Разгадай нам загадку в письме твоём в Кар[амзиным] в ответ на их поздравление. Я намерен просить о перемене дня отправления курьера в Варшаву, ибо среда – канун моего доклада и, следовательно, день моего тревожения. Прости! Нет ли у вас Кастельнова путешествия в Одессу и пр., в трех частях, в 1820 году вышедшего. Погали к брату Сергею в Одессу по первой почте. Он отправился туда через Киев.

Письмо к Дмитриеву отправил по прочтении.

282. Князь Вяземский Тургеневу.

[7-го мая. Варшава].

И нынешнее письмо будет только из нескольких строк; во-первых, потому, что твое 28-го апреля коротко, да и неясно (растолкуй мне историю Пушкина); во-вторых, что переезжаю сейчас на дачу, то-есть, в сад в предместьях и едва сыскал перо, которое плюется пуще Сергея Львовича; в третьих, что сию под небесною батареею, которая заливает город водою и пламенем: в двух местах загорелось, а пешеходы по улице плавают. Прощай! Сегодня будет ночь, завтра другая,

В третью чудо совершится...
(продолжение впредь).

Пятница, кажется, 7-го мая, а впрочем не знаю. Скажи Н. М. Карамзину, что он, может быть, получит несколько карт России, которые растолкую ему со следующею эстафетою. Жуковского обнимаю. Что мои два письма в Орлову, одно не запечатанное, другое с книжкою; отправлены ли верно?

283. Тургенев князю Вяземскому.

19-го мая. [Петербург].

Два письмеца твои получил, а сам одну среду пропустил, то-есть, ту, в которую царскосельский дворец горел. Вот тебе 200 рублей от Карамзина. О Пушкине уведомлю после, а письмо твое к нему пошлю с первою почтою. Он теперь при Инзове. Гарновского казармы, а с ними два человека и шесть лошадей сгорели на третий день царскосельского пожара. В Петергофе был тогда же пожар, и Аничковский дворец загорался. *Voilà, les cathégories de l'empereur justifiées.* Должен был ехать в Кронштадт с Потоцким, Татищевой и прочими, но остаюсь для дел. Суди, могу ли писать. Тургенев.

Польских басен твоих цензура ее пропускает. Скоро запретят печатать: «Все ли вы в добром здоровье?» Нужно говорить о многом, но после.

284. Князь Вяземский Тургеневу.

11-го июня. Остафьево.

Мне Н[иколай] М[ихайлович] писал об удивлении Николая. Николаевича, узнавшего об отъезде моем. Надеюсь, что ты просьбы моей не забыл и говорил, и говоришь с ним обо мне. Буду ожидать от тебя уведомления о переговорах твоих и тогда напишу ему.

Что вы делаете, арзамасские ребята? Я здесь сижу на размазне: прошел мой мясоед. В Москве не с кем молвить слова: сухая материя халдейского разбора! Я с Булгаковыми не видался; ожидаю их к себе в Остафьево. Староста отдыхает под смоковницею. Кстати о смоковницах. Пришли мне хорошую французскую Библию. Я вчера купил русскую в лавке Библейского общества и, на запрос, велел ее записать на имя Алексея Михайловича Пушкина. Не забывай всех просьб моих; их так много, что и я сам не все упоминаю. Пеняй на себя: ты ободряешь мою наглость. Прости, Сюся! Всем нашим поклон.

285. Князь Вяземский Тургеневу.

[Конец июня. Петербург].

Голос с того света. Сделай одолжение сердечное, доставь сам письмо, а не отсылай. Это уже входит в область поэзии: вся существенность исчезла. Греха на совести твоей не будет. Допиваю последние капли очаровательной настойки: засяду или залягу в коляску, и все вытрясется. Застать можешь сегодня после обеда; впрочем, узнаешь» Меня принуждают остаться здесь до понедельника, то-есть, до вступления в 28-й год. Приезжай непременно к нам обедать с словом жизни. Пришли мне «*Méditations poétique?*» и купи где-нибудь «*Les élégies*» de Bertin. Если ты заупрямишься бесчеловечно, то письма все-таки не отсылай ни под каким видом. Обнимаю тебя от всего сердца, тоскующего, мрачного, смятенного, с похмелья. Поднеси ему рюмочку, и оно просвежится; если станешь мне пенят, то вспомни, что «и курица пьет». Присылай ответ просто на мое имя. Я здесь обедаю в понедельник. Будешь ли, целовальник души моей и воображения? Не забудь эстафеты в воскресенье.

286. Князь Вяземский С. И. Тургеневу.

[Конец июня. Петербург].

Заставляют писать к вам: я и сам писать рад, но что скажешь из Петрограда в Царьград нового, любопытного, странного? Все одно и то же, что у вас, что у нас. Разве только придется, как в свои козыри, спросить: чья старшая? Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке. Я здесь не долго прожил, а успел уже видеть, как разнесло ветром начертание прекрасных предположений. Грустно и гадко! И самые честные люди из видных не что иное, как временщики: по движению сердца благородного бросаются вперед; по привычке трусить – при первом движении августейшего махалы отскакивают назад. И до сей поры адская надпись Данта блесит еще в полном сиянии на заставе петербургской. Больно повторять за вами если не вечное, то, по крайней мере, долгое «прости» любезному отечеству, а делать нечего. Нельзя жить для пользы, то хотя жить надобно на радость и перенести то, что живого есть в душе, в какое-нибудь бытие поэтическое, а не то совсем протухнешь. Пока еще воображение не увяло и сердце не обветшало, есть где уйти от скуки. Но что предстоит, когда баснословная эпоха жизни издержится, и придет время, что надоеет ходить по облакам, а рассудком и душою потребуются поверять очевидностью следы, означенные по дороге перешедшей? Тогда-то русская жизнь во всей своей худощавой наготе, во всей своей плоской безобразности представится взору, и длинный ряд нулей окажется в итоге бытия промотанного. Между тем живу на бумажки: одна ассигнация доставляется вам А[лександром] И[вановичем]. По его требованию пересылаю и другие. Вы не почтете эти ассигнации фальшивыми, когда узнаете, что они надписаны гишпанской красавице. Живите в поганой Туречине веселее нашего на святой Руси. Возвращаюсь на днях в свое некоторое царство, некоторое государство. В августе или начале сентября будет у нас некоторый сейм, в силу некоторой свободы, под покровительством некоторого «Быть по сему».

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

15-го июля 1820 г. Буюгдере.

Спешу благодарить вас за любезное письмо ваше; оно хотя на минуту, развлекло ту грусть, которую принесли мне письма братьев. Вот что значит быть далеко от России! За две недели перед этим получил я прелестную новость и еще не перестал ею радоваться; мысленно наблюдал за всяким действием брата Александра, за всяким словом брата Николая; почти узнавал руку провидения, приманившего вас в Петербург накануне подписи; мечтал, рассчитывал все обстоятельства, предвидел и уничтожал препятствия, любовался графом В[оронцовым]. Теперь вся надежда, а с нею и все веселье мое исчезло. Наши противники обдали меня холодной водою, их любимым элементом, и я проснулся поневоле. Но это первый был опыт. Легкия победы неверны. Попробуйте же еще! Покуда надо работать с тем, чтобы успокоить умы, *si умы у а*. Да, ради Бога, не думайте, что вы все сделали, доказав, что вы хотели сделать. Этого, ей-ей, не довольно, особливо когда Бог и государь за нас.

От всего сердца любовался вашими стихами ишпанской, польской, русской, но, к несчастью, не всесветной красавице. Она их, они её стоят. Возвратясь в некоторое царство, где вы найдете уже некоторую княгиню, прошу засвидетельствовать мое почтение княгине. Если г. Мюллер будет спрашивать известий о жидях, то сделайте одолжение, скажите ему, что в Петербурге я ничего не нашел; а здесь и искать еще не успел.

Простите, любезнейший и почтеннейший князь Петр Андреевич, не забывайте преданного вам С. Тургенева и хотя иногда позволяйте ему надеяться получать от вас письма.

Дашкова, который теперь в Греции и скоро будет в Иерусалиме, ожидаем здесь в октябре.

На обороте: Его сиятельству князю Потру Андреевичу Вяземскому.

287. Князь Вяземский Тургеневу.

24-го июля. [Варшава].

Я получил твои комментарий на письмо Дружинина. Сердце мое уже здесь обжилось, но рука и голова еще что-то не сказываются, и потому ты будешь и сегодня без письма. К тому же я как то не сердит на тебя, а немного от тебя отшатнулся. На мороз сердиться нельзя, но он сжимает и знобит, а ты на меня подул морозом. Сделай одолжение, извини меня перед Дмитрием Павловичем Татищевым: я, забывшись, уехал, не простясь с ним. Мне так совестно, что я успел мало воспользоваться его обществом; но, надеюсь, в другой приезд буду счастливее.

Скажи Боголюбову, что жду от него письма. Его книга меня тешила. Сколько стихов надумалось у меня дорогою! Но тебе ни одной стопы: дело кончено! Ты окаменил мою поэзию. Ты отказался быть моим Ганимедом, то-есть, мой *знать мед*, как гонят вино. Прости! Всем нашим поклон.

Узнал ли ты о росписке Смирновой? Палки не имею. Получил ли деньги, но ведь не все? Что еще должен? Отослал ли ты мое письмо к Булгакову перед отъездом?

288. Князь Вяземский Тургеневу.

30-го июля. Варшава.

Что ты сам ничего не пишешь, а только что чужие письма мараешь?

Как хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй.

Граф Хвостов.

Да еще лжешь на меня. Прошу вперед не умничать и сейчас написать ко мне по старому, а ведь я не стану тебе в одиначку сказки сказывать на грядущий сон. Сегодня у нас по твоей части: обед крестинный. Теките, слюнки! Бурчи, живот! Прости! Не шали, а то право разлюблю! Вот тебе сочинение персидского посла. Подпишись за меня на «Соревнователя» и «Невского Зрителя». Получил ли деньги от Дружинина, и все ли? Что росписка Смирновой? Безобразова у Мятлевых в деревне. По следующей почте Жуковскому стихи, а тебе шиш. Посылка к Безобразовой.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

4-го августа 1820 г. Буюгдере.

Тому две недели назад писал я, отправляя к братьям ответ мой на письмо вашего сиятельства. Теперь же пишу только для того, чтобы попросить вас, почтеннейший и любезнейший князь Петр Андреевич, о доставлении в Петербург прилагаемого здесь письма. Я не успел послать его со вчерашнею почтою, а нынешний наш курьер отправляется прямо в Варшаву, по причине отъезда государя из России. Не откажите мне в моей просьбе и примите наперед мою благодарность за исполнение оной, так же как и уверение в совершенном почтении и искренней преданности вашего покорного слуги Тургенева.

Милостивой государыне княгине прошу засвидетельствовать мое почтение. Не будет ли каких поручений на Восток от её сиятельства?

289. Тургенев князю Вяземскому.

4-го августа. [Петербург].

Я получил прежде письмо твое из Варшавы, а потом маленькую цидулку из Вильны; и я не то чтобы сердит на тебя, а так, как бы тебя от сердца оттянуло. Боюсь, чтобы это не было хуже. Письмо твое еще более меня простудило тем морозом, которым на тебя подуло. Из последней и первой не то чтобы размолвки нашей, ибо ты сказал только одно слово, подтвердил я себе одну старую истину, которая служит к чести святой дружбы, но не к нашей. Во время оно я бы имел дух выговорить или высказать все, что на уме и на сердце, а теперь перемолчу. Ты хотел, чтобы я трактовал шуткой то, что для нас и было шуткой, но мы были кошками, а для мышки могли быть слезки, хотя и беспричинные. Легче перенести один несправедливый упрек, нежели не сметь смотреть прямо в глаза... *mais l'inconvénient de la chose est qu'elle n'est pas assez sérieuse pour en parler sérieusement et qu'elle Test assez pour refroidir à jamais un sentiment bien prononcé, que je commençais à prendre pour de l'amitié.*

О росписке Смирновой справлюсь сегодня же. Росписку Бут. посылаю. Сверх того 195 рублей на шинель и прочее. При сем письмо Жуковского, который едет в сентябре или октябре за ученицей на год в прусские края. Палку тогда же отправил. Булгакову тогда же письмо отдал, а он все верно доставил. Брат Николай кланяется. Он подал в отставку от Министерства финансов, но еще не имеет оной. Он хочет быть так же чист в службе, как я в дружбе, и так же, как я, подал в отставку. Прости! Известия твои о Неаполе были самые свежие, и я угостил ими дипломатов. Тургенев.

Никита Муравьев уезжает сегодня в Одессу. Сообщил ли я тебе циркуляр губернаторам графа Кочубея по случаю екатеринославской мечты о свободе?

290. Тургенев князю Вяземскому.

11-го августа. [Петербург].

Я получил письмо твое от 30-го июля и решился продолжать переписку: от тебя зависеть будет, чтобы в тот день, когда душа на месте, душа слышна была в письме. Но если ты будешь писать стихи к Жуковскому, а ко мне строки с препровождением посылок, то и я буду только пересыльщиком официальных новостей и чужих стихов. Кстати, вот тебе присланные для «Сына» стихи Иванчина-Писарева. Право, недурно и лучшее, что было писано о Кат[алани], разумеется после твоей прозы. Каков комплимент?

На журналы подпишусь. Посылаю росписку в доставлении Безобразовой холста, список о книгах для Ивана Ивановича и письмо от Сергея, вчера полученное. Бедный брат разочарован после первых наших известий о добром начале или, лучше, о начале доброго дела. Он восхищался, а теперь в унынии, но не в отчаянии. Я надеюсь поддержать его бодрость разными известиями. Деньги для портного и 200 рублей не получал. Если придет Дружинин, то вычту. Скажи Северину, что Иван Иванович спрашивает меня, был ли он точно в Петербурге и получил ли письмо его? Я разрешил его сомнение о пребывании в Петербурге, но не в письме. Я читаю теперь рукопись, единственную для биографии, особливо для внутренней жизни Екатерины. Храповицкий описывал ежедневные происшествия и, будучи ежедневно и беспрестанно при ней и пользуясь её доверенностью, а что еще важнее и доверенностью её Захара, записывал *ipsissima verba* все, что видел и слышал с рабскою и почти с лакейскою верностью. Но так как он был употреблен и в важных делах, то в записках его вижу зародыши мыслей Еватерины, из воихл после вышли трактаты, война, законы. Журнал ежедневный и *nilla dies sine linea*, и оттого есть связь в происшествиях; право, почти история, но конечно прекрасные материалы к оной: характеристики людей, ею начертанные; анекдоты, изображающие нравы века и двора того времени. Сколько живых еще подлецов, сколько подлецов уже мертвых, но бессмертных по милости сих записок. Есть и о Державине любопытная черта. Я нашел два раза имя отца моего в истории мартинистов. Это наслаждение для русского, особливо для меня, ибо я вчера читал рукопись с князем Голицыным, который много помнит, многого был свидетелем и поверяет свое тем, что читал; но писанное все верно. История любимца Мамонова или его падения вся тут. Многие скрыли стыд свой в гробе, но если дело истории изводить на свет правду, то они пожелали бы зарыть с собою эти записки. Хотел бы поговорить с тобою о подвигах Чернышева по возмущении и о новой книге Дидерота, но некогда. Пиши о себе и о ваших гостях.

291. Князь Вяземский Тургеневу.

[14-го августа. Варшава].

Что ты со мною лабзинствуешь? Хоть убей, ничего разгадать не могу. Какие слезки, какая мышка, какое слово мое, которое было размолвкою нашей? Какую подтвердил ты старую истину, которая служит в чести святой дружбе? Отчего мое письмо еще более простудило тебя, pourquoi cette chose (et quelle est cette chose) qui refroidit à jamais un sentiment bien prononcé??? Перекрестись, рассмейся, только объяснись или замолчи, не устами и не пером, но сердцем и рассудком, а не то такую ахиною заврешь, что способа нет: ведь ты не в Таврической зале. Опоминься! Смешное дело, если дружба наша будет зависеть от того, что я люблю рюмку шампанского, «Die Resignation» Шиллера, «La placida Campagna» Каталани или какие-нибудь другие поэтические припасы. Не води ум за разум, а особливо же по брюху сердца; но более всего скажи себе, что ты меня не знаешь, что я не при тебе писан, что я дожил до тридцати лет, не сделавши публичного дурачества; что проповедывать рассудок – свойство мелкого ума, и потому что тебе не годится садиться в чужия сани; что я весь век свой изжил и изживу остальное не на столбовой дороге, на коей иссох бы я при второй версте, но что между тем и заблудиться мне не суждено, ибо я перенес все бури души, и вынес меня Бог невредимо; что тут, где идет дело о жизни, о корне жизни, не должно прикладывать холодного ножа нравоучения и проч., и проч. Более всего скажи себе, что тут между тобою и мною общего? Мне смешно и несносно долго толковать от этом. Ты с первого раза на этот счет объяснился и хорошо сделал, потому что повиновался первому побуждению. Ты в пикет не играешь: жаль! Я – охотник. В дружбе чем более частных связей, тем дружнее идет целый состав. Но ты думаешь, что карты – адское изобретение; что игра может занести меня далеко, и ты на это руки не подаешь. Прекрасно! За что же ссориться? Неужели этого, что одна скобка не утвердилась, всем скобкам должно разлететься? Я того не вижу, и шуточный мой язык был толмачом моего сердца.

Государь не сегодня, а завтра будет; ночует в Пулавах. Здесь Каподистриа, Северин, Фредро, Меньшиков и, кажется, Чернышев. Пронесся было слух о смерти папы:

Апраксин. Правда ли, что папа умер?

– Говорят, так.

Апраксин. Кого назначат на его место?

– Неизвестно!

Апраксин. Верно, военного.

Сделай милость, пришли циркуляр губернаторам и все тому подобное. В. С. Новосильцов опять писал Николаю Николаевичу о губернаторском месте, уверяя, что Приест неминуемо будет проситься прочь: Николай Николаевич, который уже раз за него обжегся, неохотно попытается в другой; замолви стороною Кочубею или через племянника его, которого я видал у Карамзиных: Николай Николаевич будет тебе благодарен. Я ему сказал, что поручу тебе это дело партикулярно.

17-го августа.

Это письмо лежит у меня с отъезда эстафеты, которую, Бог весть как, прозевал. Государь приехал 15-го вечером; ничего еще не делается.

В Париже открыт заговор против королевской фамилии. Правительство уже с некоторого времени о нем знало и хотело ему дать созреть, чтобы нанести удар решительнейший и полнейший. Парижские войска в нем участвовали, даже частью и королевская гвардия. Ночью захватили 32 заговорщика, которые пришли в казармы и хотели вести полки овладеть замком Vincennes, а оттуда – Тюллерийским, все перерезать и провозгласить сына Наполеона, а Евге-

ния Богарне правителем. Впрочем, по отъезде курьера, который прилетел сюда в восьмой день, в Париже все было покойно.

Каждый приезд государя наносит мне флюс, и я нынешнюю ночь страдал, как мученик. Вырванный зуб и пиявицы облегчили меня немного. прости, более сказать нечего, некогда и нет сил.

Скажи Гречу, что надеюсь доставлять ему журнал предстоящего сейма. Сколько мог бы он мне отделять листов на то в каждой своей книжке? Отвечай на это скорее.

292. Тургенев князю Вяземскому.

18-го августа. [Петербург].

Письмо твое от 6-го августа получил и другое, перелюстровав, к Жуковскому отправил. Доставлю мои замечания на прелестные «Воспоминания», но вперед прошу присылать ко мне, а не к нему, ибо кто старое помянет, тому глаз вон. Пиши воспоминания, но не помни то, что убивает поэзию души, следовательно и жизни.

Я получил от одного из моих чиновников известие с Кавказа о Пушкине. Он там с Раевским. Дело Скибицкого ко мне не поступало. Уведомь, где оно? Писать совершенно некогда. Помешал Закревский. Тургенев.

Булгаков уезжает в пятницу.

293. Князь Вяземский Тургеневу.

20-го августа. [Варшава].

То ли дело, как дурь с себя откинешь! И письмо, как письмо, и ты, как ты, и я, как я: говорю о одиннадцатом августа. Ничего. нового, кроме того, что еще один зуб я себе вырвал, а великий князь еще воевал какие-то белые шляпы краковских студентов: при себе велел их окроить и выслал за город. И это в присутствии царя, и это перед открытием сейма! Вчера должен был быть смотр войск, но дождь заставил отложить до завтра.

Я послал к тебе с курьером письмо из Царьграда при своем и благодарю за доставление другого. Мало по малу свита съехалась. Чернышев постарел, похудел и пожелтел чрезвычайно. Ожидаем с нетерпением встречи его с женою, которая здесь и намерена показываться. Я еще ничего не знаю о его подвигах и о возмущении казаков.

Нельзя ли как-нибудь взять список с записок Храповицкого или купить? Я охотно заплатил бы за них.

Едва ли не придется воротиться на старое: будущее как-то туго становится. Над нами носится какой-то дипломатический пар. Обстоятельства европейские важны, прямодушие дельцов несомненно, но сильны ли головы их? Ясны ли их взоры? Нет ли чего-то тут облачного? Изю всех концов мира съезжаются курьеры, канцелярия день и ночь работает. Что из всего этого будет? Конечно, насильственные меры народов нехороши, но что же делать, когда правительства кривят душою и путаются. Я говорю этим господам: «Ведь не бесовское же навождение ставит вверх дном Европу.» Смятение – людское: не ищите причин ему в мире метафизики заоблачной, а здесь, на земле. Человек мечется. Вы говорите: «Он испорчен», и начнете читать ему проповеди. Нет, он болен; он требует помощи. Пища, которую вы ему даете, нездорова; ноши, которые вы ему на плечи кладете, несомно и прочее, и прочее. Истребите причины неудовольствия его в самом корне, очистите душную атмосферу, которая тягчит больного, и тогда скажите больному: «Смирись!» Что вы сделали с падения Наполеона? Перекрошили Европу в угоду каких-то исторических преданий, отложивши все наличные требования до другого времени. Вот вам и пришлось за пожданье. Наполеон приучил людей к исполненным явлениям, к решительным и всеразрешающим последствиям. «Все или ничего» – вот девиз настоящего. Умеренность – не нашего поля ягода. А правители, между тем, справиться не могут с надлежащими орудиями, которых величина не по их силам. Оттого то они и стараются здесь подрезать, там поутопчить, а Алкиды между тем бесятся, и того и смотри, что взбесятся, и Бог знает, чем это кончится. Войной? Какой войной? Кто против кого? Все общепринятые речения манифестов уже изверились. И сам Шишков не придумал бы теперь, как устроить предисловие войне против французов или гишпанцев, или итальянцев. Одно нам предстоит: запретить накрепко все европейские сообщения, поставить некоторые столбы, за которые запретить Европе перешагнуть под страхом нового северного наводнения, и засесть дома, но не с пустыми руками, а за работу. Иначе мы никогда ничего не сделаем. Станем все стеречь чужие дома; при первом крике метаться то в ту, то в другую сторону, а свой дом останется век недостроенным и развалится непокрытый. Что нам за слава быть страшилищем Европы и у всех сидеть, как муха на посу? Конечно, силачу всего легче протянуть кулак свой над головами; но что от того ему пользы, когда никто его не забирает! Нелепое хвастовство, неосновательное подражание! Наполеон держал свой кулак, но при случае и опускал его, куда следовало; но и ему эта *жизнь вчуже* не была впрок. Пришлось дела делать дома – все пошло к чорту. Его народ знал по газетам; он его знал на поле битвы. Столкнулись они дома – друг друга не поняли. Он торчит на скале, тот лежит под брюхом Бурбона, а мы за них должны отдуваться.

У нас здесь троица певиц: Самрі, урожденная полька, в большой милости у здешнего патриотизма, но, впрочем, и с дарованием, хотя старым; Сесси, которую еще не слышали, и её величество Каталани, которую еще не видал.

Обещают нам Потоцких. Государь обласкал их на дороге до крайности. Витт здесь, в Александровской; также и Чернышев.

С княгинею Łowicz государь по-братски: с самого приезда они каждый день обедают втроем – то у него, то у них. Впрочем, все так тихо, что прослышишь полет мухи, и царя как бы не было, кроме для нас, потому что он несколько раз в день мимо нас ездит; но еще ни разу не видал. Я себе, кажется, на время сейма работу пригрел: русский журнал о прениях палат. Подавал о том предложение, Ник[олаем] Ник[олаевичем] одобренное; но не будут ли перечить в исполнении? Мне здесь суше, чем когда-нибудь, то-есть, душевно. Жизни нет нигде: все это формы жизни.

21-го.

Не знаю, как делаю, а вечно прогуливаю эстафет. Скажи Карамзиным, что мы живы. Сбирался, было, писать к ним, но некогда.

Еще слово: граф Аракчеев приехал сегодня в ночь, и погода из красной сделалась пасмурной. Отошли письмо к Карамзиным. Прощай! Более сказать нечего.

294. Князь Вяземский Тургеневу.

[Конец августа. Варшава].

Спасибо за строки 18-го августа. Погода пасмурная и дождливая. Вчера было затмение светлое на земле.

Кто и говорил тебе, что дело Скибицкого у тебя? Дело в том, чтобы узнать, не поступило ли оно куда-нибудь, и в таком случае – за что и за кого приняться. Вероятно, если от тех будет просьба, то в Сенат или Министерство юстиции.

Приближается день великий открытия сейма, а в Александров день будет бал у Заиончека в новых покоях, убранных с роскошью, удивившею Париж, который ходил смотреть мёбли, обои и украшения. Французские листы говорили о том: всего около на тридцать тысяч червонных. Левые морщатся на эти издержки и, может быть, заговорят на сейме. По крайней мере заказать было бы в Петербурге. Но здесь этого не понимают и говорят, начиная с княгини Заиончевой: «Не все ли равно для нас, если деньгам не оставаться в Варшаве, что в Париж, что в Петербург им пойти». Все еще как-то народное братство не клеится: разве родство запечатлется кровью на поле битвы, общею системою свободы политической или общею невзгодою, а иначе Ник[олай] Ник[олаевич] и великий князь худые крестные отцы и сваты. Связь их с нами – оковы железные для них: мы не имеем иного союза.

Из Парижа после того ничего не слышно; в Лондоне продолжается постыдный суд. Свидетели уже доносили, как любовника видели, выходящего из спальни королевы в рубашке и с подушкою под мышкою. По последнему известию, не знаю в какое-то число, когда королева пришла в залу судилища и начали перекличку свидетелей-обвинителей, она, при имени одного, вскричала: «И ты тоже против меня», вскочила со стула и убежала, в большом удивлении и неудовольствии приверженцев своих. В «Монитере» есть уже повеление короля, определяющее сознание перов и предание суду лиц, задержанных по заговору.

Что ты мне не говоришь о размолвке Плещеева с Тюфякиным? Правда ли, что он опять ссорился с St.-Félix? С курьером, отправленным в Неаполь, писал я к Пипиньке-Пепе. Он, говорят, скучает и глупою работою замучен. Вот газетный вызов: где русские начальники, умеющие ценить своих подчиненных? Право, без хвастовства сказать, мы все, сколько нас ни есть, – бисер в ногах свиней. Когда все поставится у нас вверх дном? Стихии все, как надобно быть, но разбери только: вода под грязью, огонь в гнилушке. Скажи, владыко, великое слово: «Да будет свет», и будет.

Дождь, сырость так с неба и падает, а вся кавалерия мочится на учении. Разумеется, и государь тут. Вот что они называют царствовать. Глупость пуще неволи. Кто сказывал Гречу, что и *обещал украшать их журнал своими превосходными стихотворениями*. Сказал ли ты ему мое поручение? Писать более некогда. Аминь! Целую от души.

295. Тургенев князю Вяземскому.

27-го августа. [Петербург].

Письмо твое от 15-го и 17-го получил. То, на которое ты мне отвечаешь, не послал бы я, если бы прочел, что написал. Но при всем том в нем, право, было более дружбы, нежели в твоём. Полно о прошедшем.

Спасибо за известие о Париже. Здесь хотя и было оно чрез французского чиновника Берлинской миссии, но не с теми подробностями. Уведомляй о ваших происшествиях. Посылаю тебе в оригинале ответ Греча на твой запрос. Каким образом можешь ты исполнить его требование и доставлять официальное позволение печатать? Разве чрез Новосильцова один раз навсегда предпишется помещать известия о сейме? Кажется, в прошедший сейм здесь не позволялось говорить о том, что у вас делали, и я не берусь хлопотать, ибо не надеюсь успеха. Цензура становится час-от-часу не строже, но произвольнее, ибо, пропуская введение к песням поэмы Пушкина, она запрещает осуждать стихи действительного тайного советника Хераскова. Разве языческие боги за нас вступятся, ибо и мифология, как наука, также запрещена, и позволяется только упоминать о ней в истории, так что если нечаянно встретится Юпитер или Сатурн, то при сей верной оказии можно сказать о них, что Юпитер – громовержец а Сатурн ел детей своих. Товарищ мой убеждал меня собственным примером в превосходстве сей методы, и я поверил ему.

Крейтон привез мне две запрещенные книги из Парижа; одна, «Portraits pittoresques des députés», забавляет меня, а Кологривов, увидя портреты их, узнал многих. Это pendant к «Маленькому лексикону великих людей».

Кстати о твоём участии в журнале Греча. Вот что И. И. Дмитриев пишет ко мне: «Если Греч будет журнал свой издавать на прежних правилах, то не пособит ему ни Воейков, ни прочие. Одни хорошие стихи, сколько ни напишай их в тетрадку, еще не составят журнала. Журналист не есть дрягиль, чтобы не сказать хуже, который обязан только сваливать с спины своей в типографию чужие тюки. Он должен и сам мыслить, должен быть патриотом, наблюдателем, литератором, умеющим писать легко и приятно, строгим оценщиком в словесности и беспристрастным посредником в авторских тяжбах, а не деспотом, как Каченовский, который сам бранит и глупит, сколько хочет, а возражений не принимает. Досадно, что Вяземский пустился по двум дорогам и сам себе мешает. Вот мой герой! Он один только у нас мог бы подавать журнал, похожий на европейский!»

Если хочешь, то скажи Новосильцову, а если нет, то знай про себя, что на сих днях постараюсь я побывать у графа Кочубея и дать ему почувствовать, сколько бы приятно было Николаю Николаевичу, если бы взял в губернаторы на место St.-Priest Василья Сергеевича. Теперь Кочубей в Царском Селе, и мне нет времени отлучаться, но в понедельник он будет сюда, или я к нему поеду. Свадьба их еще отложена на неделю, а может быть и более. Николаю Михайловичу лучше. Вчера получил я от него письмо, первое, писанное большою рукою.

Пиши иногда в брату Сергею. Он никакой отрады не имеет в тюрьме своей, кроме наших писем. Бог знает, когда можно будет его оттуда выручить. Кланяйся дипломатам вашим. Уведомляй о сейме:

Дай весть услышать о свободе!

Брат Николай тебе кланяется. Об увольнении его из Министерства финансов, по его желанию, послано представление к вам в Варшаву. Вряд ли это не отдаленное следствие общего близкого нам дела. Прости! Тургенев.

Не делай явного употребления из письма ко мне Греча.

296. Князь Вяземский Тургеневу.

30-го августа. [Варшава].

Что сказать тебе? Кривцов все скажет. А мы все умеем как-нибудь да досадить. Избрали в маршалы сейма Рембелинского, префекта здешнего воеводства, человека на казенном жалованье, не пользующагося ни доверенностью, ни уважением. Все на этот выбор роцпут. Зачем гласно и торжественно объявлять, что людей независимых боишься? Чего бояться? Малого жужжания? Пусть жужжат: это жужжит, тот не кусает. Государя, как на зло, набивают превратными понятиями о людях и вещах. Когда будет на нашей улице праздник, то-есть, на улице прямодушных и пряморазсудных людей?

31-го.

Кажется, никогда. Едва ли не другой раз обчелся я, как с вами в Петербурге, предложением своим писать русские статьи о Польше. Нас морочат, и только; великодушных намерений на дне сердца нет ни на грош. Хоть сто лет он живи, царствование его кончится парадом, и только. Меня уныние и злость одолели: Карамзиным вылил всю душу; тебе некогда. Прости! Когда скажу России: «Прощай»? Право, надобно. Холопами быть прискучится: это хорошо изредка, в праздничные дни, а для насущного – тяжело.

Стурдза – действительный, Северин – статский. Кажется, милостей только и было. Вчера государь открыл бал у Заиончековой с княгиней Łowicz. Жуковского обними. Надеюсь, что он чрез меня едет в Европу. По тому, что я вчера слышал, выбор предводителя еще хуже первых моих предположений и может иметь дурные последствия. Умы наморщены, хороший выбор мог их разгладить. Того и смотри, что начнут рожи делать.

297. Тургенев князю Вяземскому.

1-го сентября. [Петербург]..

Спасибо за два письма: от 20-го и 21-го августа. Вчера исполнил твое поручение и говорил с Графом Кочубеем о племяннике Николая Николаевича. Он знает уже о намерении графа Сен-При идти в отставку, но знает уже и о другом кандидате, которого государь назначает на его место. «Кого?» спросишь ты. – Военного. Так сказал мне граф Кочубей, не назвав его и сожалея, что не может употребить Василья Сергеевича. Скажи Николаю Николаевичу, что я еще более сожалею, что не удалось сделать ему угодное. Впрочем, это может быть и к лучшему для Василья Сергеевича, ибо он наследовал после сварившейся тетки тысячу душ, принялся за экономию, но не разорительную, а бережливую и мог бы снова построить наследство на воеводстве.

Записки Храповицкого со временем можно списать для тебя, но не теперь, ибо много хлопот и от одного экземпляра; впрочем, и с копиею нужна большая осторожность.

Мы здесь видим Кирову в ваше окно и слышим о ней вашими ушами, но ты один почти передаешь нам звуки оттуда, да и ты не сказал мне о конгрессе, или свидании в Троппау. Дипломаты наши в тон же неведения, ибо курьеры их пристают у вас. Я надеюсь, что государь скорее других согласится на издание журнала ваших прений, но надобно, чтобы воля его была дено выражена, ибо иначе здесь испугаются и самого намерения. Пока государь с вами, то можно бы, кажется, показав ему prospectus, представлять ему каждый раз, если не самые пиесы, то, по крайней мере, оглавление книжки и довести о сем до сведения здешних архипенсоров. Это послужило бы в пользу и нам, сидящим во тьме и сени, и скуке смертной, и приучило бы уши наши в русском отголоскам конституционных прений. Почему бы, кажется, не почитать вас совершенными иностранцами? Вы в полной мере этого достойны. Англинские прения, и самые скандалезные, печатаются в наших листках, и цензоры ни мало не морщатся.

Сейчас еду, если отпустят, в Царское Село и в Павловск с отставленным от театра Плещеевым. При сем письмо от Карамзина, вчера полученное. Вчера же отправил к ним и твой пакет и позавидовал книгам. Брат Николай тебе кланяется. Тургенев.

298. Князь Вяземский Тургеневу.

3-го [сентября. Варшава].

Спасибо за письмо. Что тебе мои контролировать? Как первое, так и последнее, как то, так и другое, как бывшее, так и будущее – все наговорены перу сердцем, тебе преданным и тем более тебе предающимся, что круг его надежд и доверенностей обстоятельствами и опытностью чрезмерно стесняется.

Открытие сейма было вѣлнчественно, как и всякое зрелище, ознаменованное чем-то недюжинным. Государь произнес свою речь тверже прежнего. Все двусмысленно, все орудие обоюдное. Неужели это предписывается благоразумием и потребностями века? Ничего знать не могу: я человек больной, у меня кровь иногда кипит, иногда замерзает. Мне в нынешнем веке нельзя жить – вот это знаю. Пятьдесят лет назад я был бы Буфлером, героем Дмитриева, и славно Теперь рвусь далее: все блестящее в моих глазах померкло. *Ощутительности*, или *ничтожества* – вот крик моего сердца, вот голос века. Баснями его не накормишь. Есть еще другая жизнь перед нами – жизнь в гостях. В Европе со скуки не умру. Есть где уму, есть где волнению сердца, если не самому сердцу, поразгуляться. Волга не течет по луговой стороне, но выкидывает свои воды на луга. Я в банке, а в банке быть не могу. Дуралей бригадир, холоп казенный, приходит к Рейнскому водопаду, смотрит на этот вихорь влажный и, насмотревшись, говорит ему: «Это все хорошо, но зачем ты не стакан воды?»

Гречу, вероятно, ничего не дам, ибо ничего дать не могу по всяческим и многим причинам. Жаль! Сейм будет любопытный, и виды мои были широкие. Будет другой век, когда протухлый наш век сгниет; вопли моего сердца, быть может, не заглушатся под усилиями невежества, и я отзовусь у добрых и счастливейших людей. Я мало означил шагов на пути своего незначительного бытия, но шаг-другой останется впечатленным. Без сомнения, многие меня осуждают; скажи им, что я бежал в Польшу от России, от России бегу теперь из Польши. Я, конечно, не лучше другого, но позвольте же мне иметь свое сложение, свое, только свое; лучшее или худшее – это другое дело. Здесь надеялся я иметь надежнейшие средства действовать в своем смысле. Пробовал, щупал, допрашивался, – все по пустому. Остаюсь с истинным почтением и таковою же преданностью: нельзя лучше. Больно видеть степь перед собою, когда сердце нуждается в наслаждениях, ум требует деятельности. Но что же делать? Ограничиться частными услугами, площадными обязанностями человеколюбия; но, уделив половину дохода, который я проедаю и просориваю, я уверен, что принесу более действительной пользы, чем первейший ваш министр. Кто в России работает на завтрашний день? Все стряпанье этих государственных людей напоминает мне последнюю страницу годового месящеслова: нет ничего общего с последующим. Поставлена точка, «Конец», а за этою точкою, за этим концом начинается другое круговращение солнца, другой порядок, другая жизнь вселенные. Прошу покорно с ними толковать: они надуты важностию своею; на ту пору мы, которые всегда заносим взор и шаг свой в даль, смотрим на деятельность их, как на бытие преходящее, эфемерное. Нет общего языка. Мы их считаем дураками; они нас головорезами, и все тронулось с места, все взволновано. Например, я уверен, что не исповедание государя. в политическом отношении одержит господство в Европе: он наносит сильные и, может быть, праведные удары на противников; но я, между тем, вижу, что шайка противников при каждом ударе усиливается; там, вдали чернеется туча ратоборцев, которая поспешает на помощь терпящих. Какую после того иметь буду веру в успехе высочайшем? Вот в чем дело: принимать ли обстоятельства за стихию, против которой бороться нельзя, или за случайное поветрие? Я в них вижу стихию и готов сказать: «Умейте плавать, умеете летать, умеете обжигаться, или вы погибнете»» Они говорят: «Это – случай» и кидаются затыкать, тушить и запруживать. И все будут в дураках, помяни мое слово.

О сейме, то-есть, о действиях еще ничего сказать не могу: теперь все еще продолжают обряды. Вал у Заиончека был блестящий; жена адъютанта Вейсса на балы не приглашается. 5-го числа будет бал у Новосильцова, 15-го опять у Заиончека. Дом его царски отделан: un luxe insolent!

Сейчас с пытки: перечитывали перевод моей речи, который был очень удачен, но уже обезображен рукою вышею в ожидании высочайшей. Вот тебе речи. Сейчас отошли по экземпляру Карамзиным, Дмитриеву, Александру Булгакову, Василью или Алексею Пушкину. Только сейчас, а не потчивай других. Целую, милую.

299. Князь Вяземский Тургеневу.

7-го [сентября. Варшава].

Доставь это письмо Алексею Орлову для пересылки к брату. Здесь были маленькие шумы. На последнем сейме чтение протокола каждого заседания, как это делается во Франции, не было введено в употребление и, вследствие такого упущения, члены увидели в общем журнале сейма речи и голоса свои обезображенными. Ныне стали они требовать введения этого обычая, но маршал, опираясь на присягу свою держаться только постановлений уже раз определенных, а новых не допускать, отвергнул это предложение, как рассуждению палаты и не подлежащее, сложил свою булаву и стал ходить по зале. Тут возымели несколько голосов, обвиняющих маршала, что он отвергает предложение, еще палатую не рассмотренное и шум сделался общий, но после утих, и дело, вероятно, тем кончится, что протоколов не будет. Весь этот беспорядок и беспорядки следующие – плоды дурного выбора. Бал Николая Николаевича, данный 5-го числа, был прекрасный; еще несколько имеем в виду. Впрочем, ничего важного нет, а скуки довольно, а глупости и более, а уныния и вящше.

300. Тургенев князю Вяземскому.

8-го сентября. [Петербург].

Письмо твое без числа, но вероятно от 27-го августа, получил. О Скибицком выправлюсь, если отыщу твою записку, ибо я, справясь в своем департаменте, бросил ее в свой подпольный архив, *ut requiescat in pace*. Пришли другую, если можешь.

Сегодня отправляется через Варшаву в Неаполь молодой Поггенноль к миссии. Я нагнул его письмами и посылками к Батюшкову, описал ему все и всех и обещал за тебя, что ты воспользуешься отъездом Поггенноля из Варшавы, о котором можешь узнать от Северина или других дипломатов. Я послал ему от «Руслана» до «Урывков времени» Козлянинова: примечательное явление даже и в нашей словесности, произведение усердного члена нашего Англинского клуба. Он пишет, чтобы обедать в клубе, и экземпляр стоит обеда, то-есть, по цене, а не по достоинству. Пришлю тебе сегодня, если успею. Ты должен быть в числе подписчиков: это утешит автора,

Ив. Ив. Дмитриев просит тебя выписать для него: «*Biographie pittoresque des députés. Portraits, mœurs et coutumes*», с 15-ю портретами, в одной части, 1820. Но не знаю, удастся ли тебе достать ее, ибо мне ее прислали, как запрещенную в Париже. Он просит также тебя о присылке ему «*Mémoires sur la vie et les écrits de m-r Suard*», 2 volumes, но я напишу к нему, что эта книга не стоит денег; вторую часть «*Sur les Cent, jours*», но она, кажется, еще не вышла.

Тебя удивило объявление Греча или, лучше, Воейкова о твоём содействии «Сыну» их, а еще более соседство твое с Гнедичем. Ответственность всего братства вашего взвалил на себя Жуковский. И дипломат Батюшков испугается, увидя себя в числе журналистов; но ваши имена доставили Воейкову 6000 рублей ежегодно, а для отца семейства имя займы дать можно. Я ему самому сказал, что неприлично только ставить ваши имена, то-есть, Жуковского, Батюшкова и твое, с ним и Гречем; надобно беречь вас и вопреки вам самим, если нужно, и не сопричислять вас к ликам Гнедича, Греча и Воейкова в глазах всей публики. Не Воейков, а Жуковский за это рассердился. Воейков начал уже печатать из Жуковского «Для немногих», дабы журнал их не оставался для немногих. Если выходить публикацию ваших прений, то это может оживить их.

Вчера должен был приехать сюда Жуковский и Плещеев. Они обедали в Царском Селе у Карамзина, который опять занемог тем же ревматизмом и скоро принужден будет возвратиться в город. Плещеев оставил театр вследствие грубого письма к нему князя Тюфякина. Кокошкин уже помогает московскому князю Голицыну в управлении Москвою. St.-Félix также вышел вон. В своем роде и Плещеева выход из Дирекции подтверждает твое замечание о русских начальниках. Тюфякин дождетс другой грозы, если не от актеров, то от зрителей, за своевольную раздачу билетов, которых мы 30-го августа получить не могли, несмотря на то, что явились по его предложению с светом в театр. Если протекция – подлость и следовательно нужна для балета, то что же нужно для аренды?

Ты не уведомляешь меня об отъезде в Троппау и о прочем. Знать об отсутствии нужно нам для наших соображений.

Брат Сергей, узнав от меня о смерти Малышевой, огорчился необыкновенным образом. Он заказал Батюшкову эпитафию ей, подобную той, что на её младенца. Читал ли письмо в последнем «Сыне Отечества» о сей эпитафии и сложенной Воейковым и узнал ли в письме Блудова? Литература наша опять его задирает, и он начинает снова ею тешиться. Прости! Пора в Совет, хотя сегодня и *бабий праздник*, как говаривала Екатерина, то-есть, Рождество Богородицы. Авось успею еще выписать конец статьи об одном из депутатов:

«*C'est à m-r Delessert qu'on doit les premiers succès de cette rivalité que notre humble betterave soutient encore avec les roseaux de St.-Domingue. M-r de Talleyrand, trouvant un jour sur une*

cheminée de l'appartement de l'Empereur un échantillon des produits nouveaux, le goûta et dit en le repoussant dédaigneusement: «*Va te faire sucre*». Napoléon, informé de cette plaisanterie, trembla qu'elle ne devînt populaire, et s'empressa de récompenser ostensiblement M. Delessert, par un cordon et un titre nobiliaire. Que de *barons* n'ont pas une origine si douce, et combien de fois les hasards de la noblesse n'ont pas été aussi plaisants!» Вот тебе для праздника! Взамен не прийдет ли чего нового от графа Апраксина?

Сибирякову все деньги собраны, и все тем же добрым Глинкою, который вместо чаю начал по утрам пить воду для того, что на чай нет денег. Между тем Милародович грозит ему за то, что он не хотел служить при нем. Скажи об этом князю Меншикову, к которому у уже писал о Глинке, да и Закревский хотел писать. Балашев, отдавая помещику Сибирякова 5000 рублей, просил его удовольствоваться сею суммою, но дворянин отвечал: «Я человек благородный и не могу изменить данному слову, а я обещал уступить его за десять тысяч».

Читаю Laborde «*Sur l'esprit d'association*» и поучаюсь ошибками бывшей французской администрации, весьма для нас наставительными, и изъяснением выгод репрезентативной системы, которую он иначе называет, также весьма для нас поучительным; «Принца» Макиавеллиева с Реберговыми комментариями, а «Принц» сам есть комментарий на всю всемирную политическую историю, и наконец на сон грядущий: «*Lettres de la marquise du-Deffant à Walpole*», qui trouvait que Mithridate était l'ouvrage d'un garçon qui soit du collègue. Читай Лаборда и не соблазняйся библейскими девизами при каждой главе. Он со временем пригодится.

Канцлера выгнала скука на целый год из Петербурга в деревню, но кого же найдет он там? От себя убежать трудно. Он возбуждает какое-то необыкновенное к себе сожаление. *Honni soit qui mal y pense!*

Правда ли, что Киселев женится на графине Софье Потоцкой?

301. Князь Вяземский Тургеневу.

9-го сентября. Варшава.

Спасибо за 1-е сентября. Николаю Николаевичу скажу о твоём участии в желании Василия Сергеевича. О Троппау я немного посекретничал. Я такую дипломатию обнял, что невольно и сам заражаюсь. Свидание будет между тремя святыми союзниками, *avant la lettre*, кажется, после нашего сейма. Что в этом хорошего? Еще более Европу запутают, еще более раздражат народы, и только. Неужели такими людьми грядущее вытыкается? Что в них определятельного, положительного, созидательного? Работа редеет под их хлопотливым челноком. Все это паутина. Столетия их не распутают; разве грянет какой удар судьбы, который все пережет по своему. Сейм наш дремал, сегодня проснулся. У него крадут время. Из тридцати дней, данных на разрешения дел, требующих несколько месяцев, похитили у них разными уловками дней осемь. Все это жалко своею мелочностью. И эти люди, которые только что фокус-покусничают в управлении, стаканом воды хотят морю давать законы и пределы. На сажени земли спотыкаются и блуждают, а хотят пробивать прямую дорогу в неизмеримости. Добрый путь! А мы в такое время родились, что надобно разбойничать на большой дороге или убраться с неё. Ужиться с этими сентиментальными путешественниками невозможно. Во время оно, в Бозе почивающие частные люди с завязанными глазами препровождались правительствами по канату, куда следовало; ныне мы не только прозрели, но научились и в даль видеть; хотим идти так и туда, куда совесть зовет, или с места не трогаться. Тут нет средних мер.

Что делает Жуковский? Опять держит мои стихи и не отвечает и опять сердиться на меня будет, что я не пишу с нему. Кто так изуродовал Батюшкова в 35-м «Сыне»?

Шепни им от меня: «Не сетуйте, друзья!»

должно быть в одном стихе; чтобы избежать рифмы на полустишии, скажи: *Им от меня шепни*. А последний стих должен два составлять.

Кто сушит и анатомит Пушкина? Обрывают розу, чтобы листок за листком доказать её красоту. Две, три странички свежая, – вот чего требовал цветок такой, как его поэма. Смешно хрипеть с кафедры два часа битых о беглом порыве соловьиного голоса.

Кстати о соловье: Каталани нас завтра оставляет, не давши концерта. Она дуется за то, что не приглашена была на балы. А более не позвали ее за то, что из балов выключили отставленную Помпадуру, приглашая только полковнических жен. Много было переговоров и волнений для принятия такого решительного решения. После завтра бал у маршала Rembielinski. В виду еще бал в коронацию у Заиончека, а к концу сейма – у Новосильцова. Приезжай к нам поплясать. Через несколько дней ожидаем Потоцких, которые уже положительно объявили о своем приезде. Я очень им радуюсь. Теперь прости! Граф Аракчеев, кажется, дни через три или четыре уезжает. Я перевел в речи государя: *esprit de parti – дух сообщничества*. Слова, этого у нас нет: тем лучше. Лучше в словах самовластничать, чем известному уже слову дать насильственное значение. Мой перевод лежит еще у государя. Меньшиков подслужился также переводом и, вероятно, дух миротворства сольет оба перевода в один.

302. Тургенев князю Вяземскому.

10-го сентября. [Петербург],

Письмецо твое от 30-го и 31-го августа чрез Кривцова получил вчера, но жениха-курьера еще не видел. Жаль, что ты не со мною вылил всю свою желчь, а на Карамзина. Я понял бы скорее я прочел им то, что нужно. С нетерпением желаю видеть Кривцова и узнать от него все подробности. Кто представлял о твоём предложении? Если не Капо, то успех был сомнителен.

Сделай одолжение, поспеши наведаться, отправляется ли от нас курьер в Царьград, и отдай повернее мое письмо в брату. Меня уверили, что курьер, из Варшавы посылаемый, скорее доедет, нежели отсюда почта, которая уезжает 16-го и 2-го каждого месяца. Смотря по сему, располагай отправлением письма сего: оно нужное. Да, сделай милость, и ты пиши в брату, справившись прежде: точно ли, как меня здесь уверяли, наш министр в Царьграде перлюстрирует все письма к русским, даже к своим ближайшим чиновникам. Это подозрение отравляет мою переписку с братом. Не пропусти, пожалуйста, цареградского курьера.

Николай Михайлович простудился в Павловске и опять нездоров. Поздравь от меня Северина. Я обрадовал его производством Ивана Ивановича. Сюда приехал. Лаваль с молодой дочерью: и его еще не видел. Жуковский не поедет на Варшаву. Он не может располагать своим путешествием, ибо из Дерпта едет уже не один, а с адъютантом великого князя. В Германии надеется порыскать и приглашает меня в товарищи; в другое время я бы и решился, но теперь помышляю только о том, как бы через год или полтора выкупить из турецкого плена брата. Жуковский теперь здесь, и мы вечеряли третьего дня у Перовских. Плещеев во весь ужин мистифицировал одного гостя, случайно пришедшего, и он принял его за пьяного орловского помещика. Прости! Тургенев.

Вот еще поручение, которое прошу исполнить верно и скоро: отдай прилагаемый у сего пакет с 500 рублями ассигнаций графу Александру Николаевичу Толстому, адъютанту князя Меншикова и возьми с него росписку в получении, которую пришли ко мне. Пожалуйста, поскорее и повернее. Сейчас пришел ко мне Кривцов. Кстати о деньгах: писал ли ты к Дружинину о доставлении ко мне двухсот рублей, взятых на покупку шинели и прочего, и 490 с чем-то, заплаченных портному, в получении коих им я и росписку его послал. Впрочем, если не время, то я ногу подождать.

С. И. Тургенев князю Вяземскому.

10/22-го сентября 1820 г. Буюгдере.

Позвольте мне, почтеннейший и любезнейший князь Петр Андреевич, еще раз беспокоить вас просьбою о доставлении прилагаемого здесь письма к братьям моим. Я не запечатал его, потому что содержание его, заключающее в себе некоторые новости. о Турции, где газет нет, может быть и для вас покажется любопытным. Примите наперед благодарение мое за препровождение этого письма в Петербург, а вместе и уверение в истинном почтении и совершенной преданности вашего покорнейшего слуги С. Тургенева.

303. Тургенев князю Вяземскому.

15-го сентября. [Петербург].

Письмо твое с речами и отчетами получил и вчера же разослал все экземпляры по принадлежности, и у меня, кроме польского, не осталось ни одного, ибо свой подарил я князю Голицыну; следовательно, пришли другой немедленно, да и впредь присылай не один экземпляр на мое имя. Кроме В. С. Ланского и меня, здесь никто этого не имеет, и меня затормошили просьбами о прочтении. Да и присылай и остальное все, что говорено было и будет говориться. Речь Мостовского оскорбила бы мою национальную гордость, если бы нелюбовь слабых могла быть оскорбительна. Какое приличие ставить нас в одной фразе с лютеранами и магометанами и в присутствии восточного царя своего *accorder des séances pour l'exercice décent du culte oriental!* Это неблагопристойно. Пришли и русский перевод речи. Я постараюсь отблагодарить *казанским*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.